

Люди и судьбы

Л.М. Гиндилис

«Подвиг его творился в молчании...»

*К 90-летию со дня рождения Николая Уранова
(1914—1981)*

*Скажу я: — Нет таких чудовищ,
Чтоб запретить душе моей
Принять Огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей.*

Н. Уранов

Николаю Уранову 20 марта 2004 года исполняется 90 лет. Николай Уранов — литературный псевдоним Николая Александровича Зубчинского, одного из ярчайших последователей Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов. Е.И. и Н.К. Рерихи своим подвигом заложили новую ступень эволюции человечества и открыли тем, кто последует за ними, путь восхождения. Н.А. Зубчинский — один из тех, кто прошел по этому пути. Он был членом харбинской группы последователей Н.К. Рериха, созданной Борисом Николаевичем Абрамовым. Глубокий мыслитель, талантливый поэт и писатель, живописец и музыкант, щедро одаренный природой, Николай Александрович всю свою жизнь посвятил изучению Живой Этики и приложению ее в жизни каждого дня. Его духовный опыт, запечатленный в записях, эссе, очерках, стихах и письмах, представляет огромную ценность. В его произведениях дается разъяснение и развитие идей, содержащихся в учении Живой Этики.

При жизни Николай Александрович был известен немногим. Жил он скромной уединенной жизнью. Лишь небольшое число друзей и корреспондентов — те, кому посчастливилось познакомиться и переписываться с ним, да еще те, до кого доходили неясные слухи об этом удивитель-

ном человеке, знали о его существовании. Когда он ушел из жизни, его друг Альфред Петрович Хейдок писал: «Скажут — не знаем такого, не слышали, — и будут правы, ибо подвиг его творился в молчании, и это подвиг такого рода, что только великое сознание способно его оценить»¹.

Литературное наследие Николая Уранова

Первые публикации о Николае Александровиче Уранове появились в 1994 году, а в 1995 году впервые увидели свет его произведения. В Новосибирске были изданы небольшие сборники его ранних эссе и очерков «Огонь у порога», «Вершины» и др. Позднее они вошли в сборник «Огненный подвиг»². Уже в этих ранних очерках проявился замечательный талант Николая Александровича — говорить просто и ясно о самых сложных проблемах. В них нашел отражение его личный опыт осмысления и приложения Живой Этики, очень ценный для всех, кто пытается идти по этому пути.

В 1996 г. вышел сборник стихов Николая Уранова «Вперед и выше». Очень музыкальные, наполненные лирическим чувством, романтикой борьбы, глубоким философским содержанием, стихи встретили горячий отклик читателей.

В том же году вышла еще одна замечательная книга Н. Уранова «Жемчуг исканий» (в 1999 г. она издана на латышском языке). О ней следует сказать особо. Это сборник записей, которые Николай Александрович называл «ментограммами». Когда думаешь об этой книге, перед мысленным взором возникает образ ныряльщика, устремляющегося в глубины океана за драгоценной жемчужиной. Неутомимый труженик, он вновь и вновь погружается в пучины вод, чтобы после многих ныряний наконец-то отыскать маленькую крупичку красоты, которая будет дарить радость людям. Не так ли и человек-мыслитель отправляется из своего духовного дома, чтобы, погружившись в пучины материи, отыскать драгоценные крупички Знания и приобрести опыт?

А вот еще один образ: картина Николая Константиновича Рериха «Жемчуг исканий». На краю высокогорного плато — двое; один моложе, наверное, ученик, другой постарше — Учитель. В руках у Учителя нитка жемчуга. За склоном углубляется ущелье, из которого поднимаются облака. А высоко над ними непоколебимо стоят снежные вершины. Что делают люди в этом мире безмолвия, чего ищут? Почему художник назвал

картину «Жемчуг исканий», разве жемчуг добывается на высотах? Конечно, это жемчуг совершенно особого рода. В безмолвном напряжении протекает труд Подвижника. Мысль его устремляется в надземные сферы и, сотрудничая с Пространственным Огнем, возвращается на Землю, обогащенная новыми идеями, новыми знаниями, насыщая атмосферу Земли тонкими энергиями.

Известный московский поэт-пифагореец Юлиан Долгин так характеризует эти записи: «Ментограммы — огненные афоризмы и изречения — ни по технике, ни по способу приема не имеющие ничего общего в нашей житейской практике «доставки» информации. И в области необычного получения ментограмм совершенно противоположно пассивному трансу медиума. Это сознательный, требующий колоссального психического напряжения процесс. Высокий друг принимал ментограммы через сердце и за счет сердца. Он героически сократил свою жизнь, во имя приближения Сатия юги <...> Николай Уранов достойный служитель Огня, который приближал наступление эры Света»³.

В 1971 г. А.П. Хейдок, очень ценивший ментограммы Уранова, познакомил с ними Бориса Николаевича Абрамова, который дал им высокую оценку. Уже после ухода Николая Александровича из жизни Лидия Ивановна Зубчинская, жена, друг и соратник Николая Александровича, которая, как и он, была ученицей Б.Н. Абрамова, переслала собранный ею машинописный экземпляр сборника ментограмм вдове Абрамова Нине Ивановне, тоже ученице Н.К. Рериха. Ознакомившись с ними, Нина Ивановна написала Л.И.: «Очень рада была получить записи Коли. У каждого духа свой узор. Прошу Вас: берегите их от происков тьмы. Знаю, как у меня все было очень сложно и трудно. Да и Вы об этом тоже должны знать. Надеюсь, Вы примете все меры, чтобы сохранить их для будущего»⁴. Благодаря изданию книги «Жемчуг исканий» этот завет был исполнен.

По своему построению «Жемчуг исканий» подобен книгам «Живой Этики». Беседы затрагива-

¹ Хейдок А.П. Жизнь-подвиг. Цитируется по рукописи. Архив Л.М. Гиндилиса.

² Уранов Н. Огненный подвиг. Рига-Москва, 1996; 2-е изд. — 1997 г., 3-е — 2003 г.

³ Долгин Ю.И. Дельфис. 1996. № 1 (6). С. 58.

⁴ Абрамова Н.И. Письмо Л.И. Зубчинской. 28.03.1982. Архив Л.М. Гиндилиса.

Н. Уранов. Харбин. 1930-е годы

ют самые разнообразные вопросы — от абстрактных метафизических проблем космогонии и теогонии до повседневных вопросов жизни, с которыми сталкивается человек, решивший идти по духовному пути. Можно выделить несколько ключевых тем, которым в книге уделяется большое внимание. Это прежде всего вопросы совершенствования взаимоотношений с окружающими людьми; отношения ученик-Учитель, включая сокровенные моменты общения с Учителем Незримым; проблемы, связанные с устройством мироздания, космогонией, теогонией и эволюцией Мира (Космоса); далее вопросы, относящиеся к Новой Стране и особенностям нашего времени; наконец, вопросы, связанные с самим Учением.

Николай Уранов не думал о публикации своих записей и не дал им никакого названия. Название книги «Жемчуг исканий» было дано Лидией Ивановной Зубчинской. Вот как она объясняет, почему дала это название. «...Мне всегда была близка идея картины Н.К. Рериха “Жемчуг исканий”. Как жемчужины, нанизываются Учителем на наше сознание крупницы Высшего Знания. А еще потому, что много лет назад я видела во сне Елену Ивановну Рерих, которая подарила мне нитку жемчуга, надев ее на мою шею; этот сон произвел на меня неизгладимое впечатление и запомнился мне на всю жизнь, так же как и символ жемчуга, олицетворяющего крупницы знания»⁵.

Вслед за «Жемчугом исканий» в 1997 году вышла в свет книга «Николай Уранов об астрологии». Это сборник выдержек из различных произведений Уранова на астрологические темы. Как отмечено в предисловии составителя, книга эта не может служить ни учебником, ни пособием для тех, кто хочет усовершенствоваться в технике составления гороскопов. Это книга *об основах астрологии*, о ее философии и метафизике. Вероятно, она ближе всего подходит к тому, что можно назвать эзотерической астрологией.

Николай Уранов многие годы серьезно занимался изучением астрологии. Вспоминая о своих первых шагах в этой области, он писал: «Когда я начал изучать астрологию, большим камнем преткновения было для меня наличие почти в каждой карте противоположных качеств: один аспект говорит, что этот человек трус, другой утверждает, что он безумно храбр. В действительности почти в каждом характере бытуют самые противоречивые свойства, находящиеся в постоянной борьбе, и вся мудрость изучающего человеческого души заключается в том, чтобы правильно взвесить — чего больше, и таким образом устано-

вить, что дает перевес. <...> Обычно человек судит о себе, болтаясь между крайностями самомнения и самоуничужения, и уравновешенное объективно суждение — явление редкое»⁶.

Касаясь характеристики астрологии в целом, Уранов писал: «Существуют три астрологии; одна лженаука шарлатанов, другая — современная научная астрология, третья — это оккультная астрология — Астрология Посвященных. Получить доступ к последней — чрезвычайно трудно. <...> Думают — почитав две, три книжки, они начнут разбираться в судьбах мира и отдельных людей. Но когда не получается, наступает охлаждение, разочарование и даже критика. Но помимо этого, надо еще иметь призвание и талант, ибо высшая астрология есть искусство. <...> Но если кто-то хочет изучать астрологию из любопытства, сугубо личных побуждений, своекорыстия и т. д., то лучше не начинать. Только те, кто горит желанием помочь несчастному человечеству вырваться из тенет иллюзии и непрерывных бед, могут получить необходимое для этого знание и оружие»⁷.

Уранова можно считать одним из представителей современной научной астрологии. Прекрасно понимая и сурово осуждая вред, который наносят многочисленные шарлатаны, профанирующие за деньги древнюю науку, Уранов боролся за ее очищение, он указывал на значение, которое она приобретет в будущем, в первую очередь в таких сферах, как медицина. Уранов стремился понять механизм воздействия удаленных небесных светил на земную жизнь, он пытался нащупать «физические» (точнее, тонко-материальные) причины астрологических воздействий. В его произведениях содержатся «эзотерические» ключи к пониманию астрологических карт и феномена астрологии в целом. Думается, значение астрологических открытий Уранова будет возрастать со временем.

В 1998 г. вышел сборник писем (точнее, фрагментов писем) Николая Уранова «Нести Радость». Судя по отзывам читателей, он принес радость неожиданных открытий, радость понимания многим людям. Особый интерес представляют собранные в отдельный раздел письма Альфреду Петровичу Хейдоку, ибо в них обсуждаются наиболее глубокие аспекты Бытия и затрагиваются некоторые личные моменты.

Обстоятельно отвечая на многочисленные вопросы своих корреспондентов, разъясняя непонятные места Учения и различные жизненные ситуации, Николай Уранов выступает как очень внимательный, но вместе с тем требовательный и

⁵ Зубчинская (Уранова) Л. Никогда Н.А. Уранов не отрекался от своего Учителя // Мир Огненный 1995, № 3 (8). С. 38.

⁶ Уранов Н. Письмо А.П. Хейдоку от 24.10.1972 / Уранов Н. Нести радость. Рига, 1998. С. 31.

⁷ Уранов Н. Об астрологии. Рига, 1997. С. 8.

порою суровый наставник. Вот как отзывается о его письмах Ю.И. Долгин.

«Его письма, необычайно назидательные для меня, читались и перечитывались многократно... Не во всех случаях я до конца понимал их. Некоторые фразы ставили меня в тупик. С иными мыслями я сначала не соглашался и спешил, в меру моего умения, корректно возразить ему.

Высокий друг, как я позволил себе называть его, легко парировал мои контраргументы и наставлял на путь истинный с присущей ему повелительно-мягкой интонацией, различимой даже в письменной речи.

Я всегда относился к нему, как Старшему по гностическому Знанию; в идеале он представлялся мне (когда-нибудь при его санкции на это) моим земным Учителем. Поэтому я с равной признательностью принимал и поощрения его и замечания.

Николай Александрович был мудр, добр, справедлив, пронизателен и взыскателен. Глубина его суждений убеждала и восхищала меня, но благожелательная тональность писем, в некоторых случаях внезапно взрываемая сарказмами, ошеломляла меня.

Конечно, мне было не просто приноровиться к неординарно-сложной натуре Высокого Друга и постичь Индивидуальность, сочетающую мощь Мыслителя и остроту Сатирика... Впрочем, и тогда, когда его стрелы задевали меня, я, преодолевая минутное огорчение, понимал: они мне на пользу! Достоинство настоящего Учителя — нелицеприятность. И этим достоинством, наряду с другими педагогическими талантами, Высокий Друг обладал в полной мере.

Я бесконечно благодарен ему за то заочное общение между нами, которое продолжалось вплоть до его ухода в лучший мир неопишуемой красоты и неугасимого света.

Для меня несомненно: Высокий Друг был и есть выдающийся служитель Света, Воин Света — здесь и там, где он теперь находится»⁸.

Добавим к этому отзыву Долгина, что стиль общения Н. Уранова со своими корреспондентами, конечно, был индивидуален, учитывались особенности характера и уровень каждого человека. К каждому он подбирал свои ключи.

Пожалуй, самым капитальным трудом Николая Уранова является многотомное произведение «Размышляя над Беспредельностью». Издание его ведется с 1999 года. К 2004 году вышло 5 выпусков (томов). Планируются еще два выпуска. В совокупности они охватят всю первую часть книги «Беспредельность», 217 параграфов.

Те, кто изучает Живую Этику, знают, что «Беспредельность» — одна из самых трудных книг Учения. Многие прочли ее, охваченные каким-то неосознанным могучим вихрем, скользя по непонятым выражениям, не в силах уразуметь сказанное, но чувствуя непреодолимую потребность читать и читать дальше, в надежде, что вот, наконец, раскроется тайна Бытия, которая объяснит все. Как часто эта надежда оставалась несбыточной! Чтобы понять «Беспредельность», надо иметь расширенное сознание и надо много и напряженно работать.

Николай Уранов работал над «Беспредельностью» практически всю свою жизнь. Он считал «Беспредельность» ключом к «Тайной Доктрине», над которой он тоже много и упорно работал. Таким образом, книга «Размышляя над Беспредельностью» является одновременно и размышлением над «Тайной Доктриной». Это книга о дальних мирах, о наиболее общих законах эволюции Космоса. Уранов подчеркивает необходимость познания, вмещения этих законов.

«Полные желания *познать* Величие Космоса, широко распахнем двери этому познанию, ибо без этого вмещения Учение пройдет мимо! Пусть вмещение будет как росток, посаженный в урочное время. Он вырастет в гигантское дерево, но ЕСЛИ ЕГО НЕ ПОСАДИТЬ СВОЕВРЕМЕННО, НЕ ПОЛИВАТЬ, то все гигантские силы Неба и Земли не смогут ничего вырастить в сознании человека. Вот в чем значение понятия ВМЕЩЕНИЯ.

Кто-то скажет: зачем нам величие Космоса, зачем нам замирение перед зрелищем Космической эволюции, зачем нам чтение книги «Беспредельность»? Затем, что наступил час великого подъема, и этот подъем невозможен без осознания Космоса»⁹.

Большое внимание уделено в книге проблеме Начал. «Дается Учение о Началах, чтобы осветить путь будущих поколений. Разве можно считать этот труд ненужным и бесцельным, если все надвигающиеся на Пятую Расу ужасы порождены слепотой в любви?! Неужели не нужно Знание, которое сделает любовь будущих поколений зрячей?! Если вся эволюция на всех мирах строится на росте качества любви! <...> Для Шестой Расы дается новое понимание любви, но неужели раса будет составлена из самомнительных, самодовольных невежд. Они не только не захотят знать Истину о Началах, но будут сопротивляться ей. И пусть не огорчает выступление невежд, но не надо давать им на растерзание Истину»¹⁰.

Можно ли считать книгу Уранова комментариями к «Беспредельности»? И да и нет. Да — по-

⁸ Долгин Ю.И. Воин Света // Дельфис, 1995 № 1 (3). С. 38.

⁹ Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью. Т. 1. М., 1999, § 18. С. 240—241.

¹⁰ Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью. Т. 7, § 287. (Готовится к печати.)

тому что в ней фактически комментируется текст, дается разъяснение положений Учения, раскрывается их скрытый, сокровенный смысл. Нет — потому что Уранов не ставил перед собой подобной задачи и не стремился следовать «законам жанра». Он свободно размышляет на темы, затронутые в обсуждаемом параграфе «Беспредельности», иногда эти мысли вызывают ассоциации, уводящие далеко в сторону, но такие «путешествия», как правило, бывают полезны, ибо помогают лучше понять проблему, рассмотрев ее с иной, часто неожиданной стороны. В этих отступлениях автор никогда не теряет нить и всегда возвращается к обсуждаемому вопросу. Это именно размышления, навеянные книгой «Беспредельность», которыми Николай Уранов щедро делится со своими собеседниками. Особую ценность представляют те фрагменты, где в ткань размышлений автора органически вплетаются сверкающие нити мыслей Учителя.

Задачу своей работы сам Николай Уранов определил так:

«Может быть, у кого-то возникнет вопрос: для кого и для чего пишется этот труд? Тайны Учения глубоки! Невозможно одному человеку осилить труд проникновения в эти глубины. Лишь коллективные усилия многих поколений и Помощь свыше способны продвигать познание Истины»¹¹. Уранов отдавал себе отчет в том, что в его размышлениях могут быть неточности и даже ошибки. Он не скрывал этого от читателя. В предисловии к книге, подготовленному незадолго до ухода из жизни, Николай Уранов писал: «Автор не отрицает возможность ошибок в этом труде. Принося глубокие извинения за возмож-

ные ошибки, он все же полагает, что несмотря на них, а может быть именно благодаря им Истина будет выявляться и с каждым новым шагом эволюции сверкать все ярче и ярче...»¹²

Там же, возвращаясь к задачам своего труда, Уранов пишет: «Он посвящается тем, кто, не убоившись кличек невежд, дерзнет приоткрыть занавес, скрывающий основы Бытия. Пришло время заговорить о самом Сокровенном. Наступили сроки поворота от бездны к Вершинам. Уже высоко в знаке Стрельца сияет Нептун, уже Уран приближается к границам этого знака высшего разумения, уже Плутон входит в знак Скорпиона. «Светила позволяют ускорить путь человечества». Утренняя звезда поднимается над силуэтами гор Земли, предвещая начало Шестого Дня Творения. Поспешим приобщиться к великой чаше Учения Беспредельности!»

В заметке «Жизнь — подвиг», написанной на смерть Николая Уранова, А.П. Хейдок писал: «Результаты [его работы] огромны и не поддаются земному учету. Имя Н.А. Зубчинского станет бессмертным в веках, когда достойнейшие представители человечества в достаточной степени ознакомятся с его литературным наследием»¹³. Наследие Николая Уранова, помимо перечисленных выше работ, включает еще не публиковавшиеся вещи. Среди них несколько прозаических произведений (к сожалению, большая часть их утеряна), заметки по «Миру Огненному», по книге «Сердце» и др. Сюда же относится капитальный «Словарь терминов», над которым Уранов работал многие годы. В перспективе предполагается опубликовать этот труд. Сейчас готовится к публикации небольшой сборник стихов и прозы Николая Уранова.

«Орлы летают высоко, но не завидуйте орлам...»

О жизни Николая Александровича Зубчинского известно немного. Он родился 20 марта 1914 года на станции Вэйшахэ в Маньчжурии, близ Харбина. Отец его был служащим на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). В юные годы он встретился с Борисом Николаевичем Абрамовым и стал его учеником. Вскоре в Харбин приезжает Николай Константинович Рерих. Под его покровительством в Харбине были созданы две группы последователей учения Живой Этики. Одну из них возглавил Альфред Петрович Хейдок, другую — Борис Николаевич Абрамов. В эту группу Б.Н. Абрамов привлек и молодого Уранова.

Во время пребывания Н.К. Рериха в Харбине Уранов присутствовал на его публичных выступ-

лениях, но, будучи еще совсем молодым человеком, он не решился подойти и представиться Великому Мастеру.

Окончив юридический факультет, Николай Александрович, в поисках заработка, вынужден был перепробовать многие работы, весьма далекие от юриспруденции. Но чем бы он ни занимался, главным делом его жизни всегда оставалось изучение Живой Этики, претворение Учения в жизни каждого дня. Напряженная внутренняя духовная работа продолжалась изо дня в день, каковы бы ни были внешние обстоятельства его жизни. Этот опыт, очень ценный для начинающих, нашел отражение в ранних очерках Н. Уранова, о чем мы уже писали, и в его ранней

¹¹ Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью. Т. 7, § 287. (Готовится к печати.)

¹² Уранов Н. Предисловие / Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью. Т. 4. М., 2002. С. 11.

¹³ Хейдок А.П. Жизнь-подвиг. Цитируется по рукописи. Архив Л.М. Гиндилиса.

работе «О качествах и свойствах» (к сожалению, утерянной, сохранились лишь отдельные ее фрагменты). «Около каждого качества, — писал он в этой работе, — есть его майя, которая часто принимается за качество. Так, например, — осторожность и боязливость, сострадание и жаление. При недостаточном опыте работы над собой можно майю принять за действительность. Можно трусить и оправдываться осторожностью, можно скупиться и оправдываться бережливостью, можно раздражаться и оправдываться возмущением духа. Без способности четко разбираться в своих побуждениях можно полететь в бездну, считая себя восходящим»¹⁴.

Родившись за пределами России, Николай Александрович всегда ощущал духовную связь со своей исторической Родиной — Новой Страной Учения. Он остро переживал драматические, а порою трагические моменты в ее истории. Когда началась Великая Отечественная война, он пишет стихи, полные непоколебимой веры в победу советского народа, в славное будущее нашей Родины.

Родина

*Чужа зодчества рок небывалый,
Из времен поднимался народ,
Поднимался, как новые скалы
На поверхность бушующих вод.
Но идущий в пучины забвенья,
Старый мир не однажды хотел
Отобрать его знамя спасенья,
Погубить его славный удел...*

*И теперь мы увидим воочию,
Как дерзнувший ступить на Восток,
Разлетится разорванный в клочья
Растоптавший Европу сапог!
Обожженная огненной лавой,
Обагренная кровью святой,
Ты взойдешь озаренная славой,
И народы пойдут за тобой.*

22.06.41

В 1944 году произошла встреча Николая Александровича Зубчинского с Лидией Ивановной Прокофьевой. Их жизненные пути переплелись и слились в один. В марте 1945 года они поженились. Николаю Александровичу был в ту пору 31 год, и он уже давно шел по пути Учения, а Ли-

дия Ивановне не исполнилось еще и двадцати, и она была начинающей ученицей. Их познакомил Борис Николаевич Абрамов, и он же благословил их брак. Когда двое гармоничных, духовно устремленных людей вступают в брак, это всегда большое счастье и большое эволюционное достижение. Ибо создается и начинает действовать творческая батарея из двух Начал. Плоды такого духовного творчества обычно бывают весьма значительны.

Лидия Ивановна и Николай Александрович прошли по жизни, осененные Любовью, помогая и поддерживая друг друга. Мне не приходилось слышать от Николая Александровича слова вроде «я думаю», «я считаю». Обычно он говорил «мы считаем». И в этом сказывалось глубокое понимание и уважение Закона Сотрудничества Начал.

Счастливые дни после женитьбы были прерваны самым неожиданным и грубым образом: 2 сентября 1945 года (ровно через полгода после свадьбы!) Николай Александрович, по ложному доносу, был арестован, осужден на 15 лет и сослан в сибирские лагеря. Сбылось юношеское предчувствие Уранова:

*Знаю я, исполнится гаданье:
Час пробьет, они за мной придут
И меня на крестные страданья
На позор и гибель уведут.*

Можно представить себе состояние влюбленного молодого человека, который только что обрел счастье встречи с Возлюбленной, Единственной, Нареченной, своей сужденной Половиной — и вдруг трагическим образом теряет ее. Физические муки заключения кажутся ничтожными перед утратой Любимой. Эти переживания нашли отражение в стихотворении Николая Александровича «Семидесятый день», написанном 12 ноября 1945 года, спустя 10 недель после ареста.

Семидесятый день

*Тяжелый крест стоит неотвратимо!
Семидесятый день без ласки, без огня.
Семидесятый день я без моей любимой,
Которая как солнце для меня.*

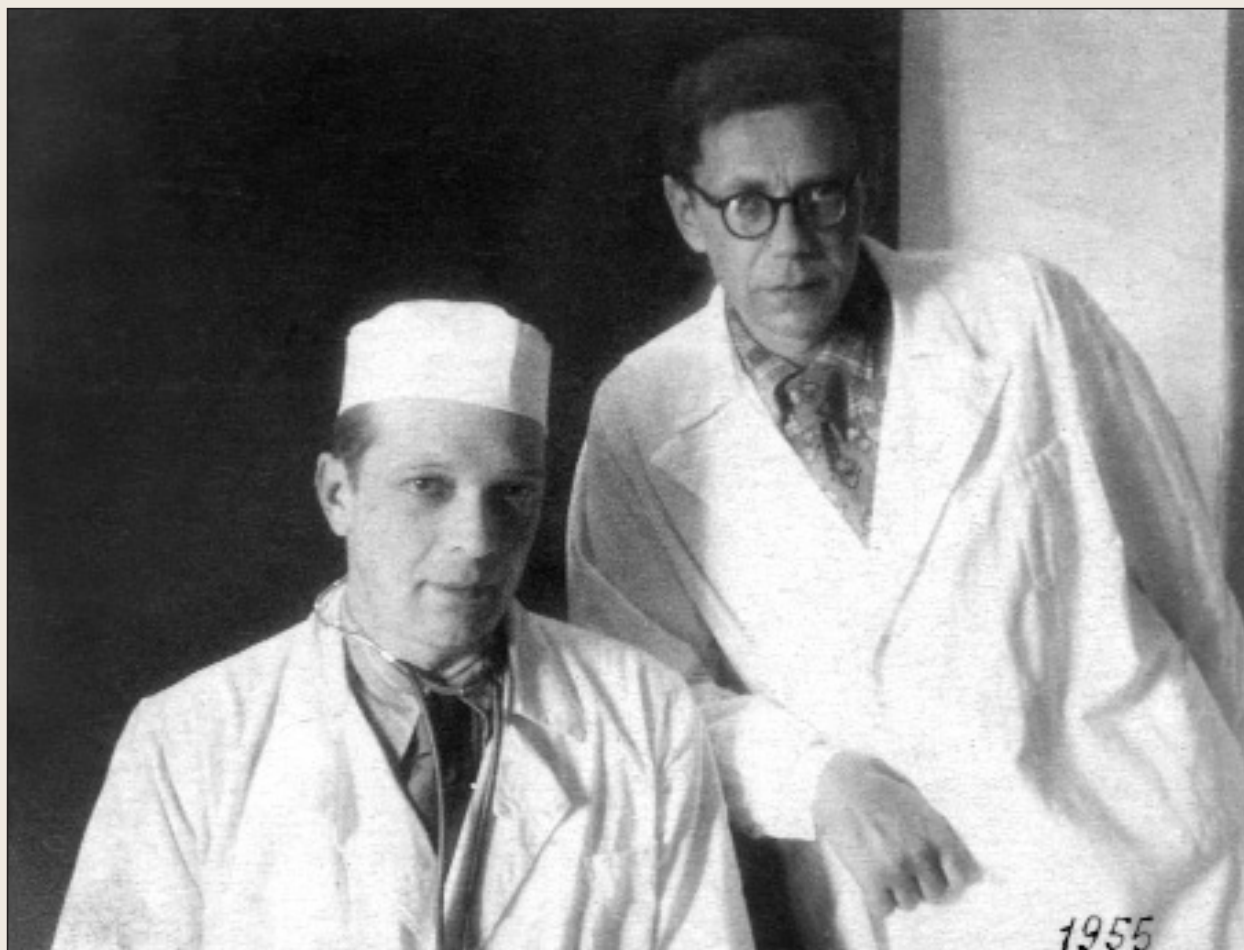
*Пусть далеко теперь невидимое солнце,
Пусть ночь теперь особенно темна,*

Коля Зубчинский.
Маньчжурия.
1920-е годы

¹⁴ Уранов Н. О качествах и свойствах. Рукопись. Архив Л.М. Гиндилиса.

Слева Н. Уранов. Пос. Вихоревка, Иркутская обл. 1955

*Пусть смотрит мрак в разбитое оконце —
Все чепуха — дождалась бы она!*

*О, тучи грозные непрошенных сомнений,
Как тяжкий газ, мешающий вздохнуть...
А вдруг она распятому изменит
И нож воткнет в измученную грудь?!*

*Холодный ветер рвется через щели
И тихим воем разрывает тишь...
О, ветер, ветер! Может, ты к постели
С приветом к спящей, ветер, долетишь?!*

*Ты спишь сейчас вдали от черных ветров,
Тебе не снятся даже и во сне
Те тысячи ужасных километров
И крест железный на моем окне!*

Николай Александрович провел в лагерях более 10 лет. Это было время не просто тяжелых испытаний, сама его жизнь подвергалась опасности. Не один раз он стоял на грани жизни и смерти, и всякий раз чудесным образом приходило спасение. Но даже в тех условиях не прекращалась работа над Учением. Я видел его записные книжки, куда он делал выписки из книги «Серд-

це». На титульном листе надпись: «Сердце, книга по восточной медицине и философии». В то время Николай Александрович работал при лагерьной больнице, и, видимо, лагерную цензуру такая запись вполне устраивала: заниматься медициной, даже восточной, в больнице не возбранялось. Удивительно содержание записных книжек. Это очень поучительный образец того, как надо работать над Учением. Каждая фраза, каждое слово подвергалось глубочайшему осмыслению. Позднее новосибирские друзья, познакомившиеся через Д.С. Шипова с содержанием этих записей, назвали их наукой о Сердце. Сейчас это произведение Николая Уранова готовится к печати.

Почти все время заключения Николай Александрович ничего не знал о доме, ведь он был осужден без права переписки. Что там с его Возлюбленной, где она, может быть, уже давно вышла замуж. Да и действительно, какой смысл ждать, если неизвестно, жив ли он. Многих ведь после ареста расстреливали, многие погибали в лагерях. Так зачем хранить верность тому, кого уже нет в живых. Эти горькие раздумья, увенчанные тем не менее оптимистической нотой, Николай Александрович выразил в стихотворении «В десятый раз».

В десятый раз

Опять, дохнув черемухой с реки,
В десятый раз весна проходит мимо!
И опадают грустно лепестки
С цветов, цветущих для моей любимой.

Но что с того, что десять лет во тьме?..
Что нет вестей, нет писем, нет привета,
Что я погибну, может быть, в тюрьме,
И крик предсмертный не примчит ответа.

Нам все равно от встречи не уйти,
Мы скованы нетленными цепями.
Пусть в этой жизни разошлись пути,
Но сколько новых жизней перед нами!

Что нам десяток раненых годов —
Наш путь пролег поверх земных страданий.
Пусть отпадают лепестки цветов
И устилают лестницу к Нирване!

20.05.55

К концу срока, когда строгости режима несколько ослабли, Николаю Александровичу удалось переправить письмо в Харбин Лидии Ивановне. Он не ожидал ответа, но ответ пришел. Лидия Ивановна писала, что помнит, любит и ждет. Можно ли представить радость, которую испытал Николай Александрович, получив эту весточку. Он выразил свои чувства в стихотворении, которое назвал «Победа».

Победа

Летели дни, а годы тихо шли...
Стихала боль, но временами даты
Будили память и так больно жгли
Огнем такой чудовищной утраты.

О, пламя глаз, о, нежное тепло,
О, сердца с сердцем слитое биенье...
Какое счастье мимо нас прошло
И рухнуло в чудовищном крушении!

«Пропавшему без вести» никогда,
Никто не скажет о судьбе любимой!
И в неизвестности брели года,
И весны (весны!) проходили мимо.

Так десять лет прошло, как сто веков.
И вот, однажды, в маленьком конверте
Пришло письмо, как тысяча громов!
Как воскресенье, поражение смерти!

И ночь без сна — и день за ней в бреду:
Я радостью невыразимой болен!
Звонит торжественно, священно: «Жду»,
Как перезвоны миллионов колоколен.

Скрепляет время множество знамен,
Капитулирует огромное пространство.
И я опять, как юноша влюблен, —
В увенчанную лавром постоянства.

1955

В 1956 году, после разоблачения культа личности Сталина, Николай Александрович, как и тысячи других заключенных, был освобожден и полностью реабилитирован. К своим испытаниям Николай Александрович относился как истинный философ. Никогда у него не было никакого озлобления, никакой обиды на свою Страну. Сейчас, когда говорят о том времени, мажут все или черной, или белой краской. Уранову был чужд такой подход. Чтобы разобраться в происходящем, писал он, «необходимо отбросить самость и желание видеть то, что хочется видеть, а не то, что есть в действительности <...> Так будем думать обо всем и о Новой Стране тоже»¹⁵. Более того, он подчеркивал: «Всеми силами мы должны помогать строительству Новой Страны, но ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ ОТСТАИВАТЬ ЕЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА. Однако и критика должна быть благожелательной, ибо критика злобная неуместна и может принести не пользу, а вред»¹⁶.

Первое время после освобождения Николай Александрович и приехавшая к нему Лидия Ивановна продолжали жить в поселке Вихоревка Иркутской области, где находился лагерь, в котором Николай Александрович отбывал свой срок. Лидия Ивановна, врач по профессии, устроилась работать в лагерную больницу. Это было очень трудное время. Необычный образ жизни молодых супругов не мог не привлечь внимание бдительного начальства. За Николаем Александровичем была установлена строгая слежка, ему грозил повторный арест. Но жизнь шла своим чередом. Лидия Ивановна привезла с собою книги Учения. Это было необычайное счастье! Возобновилась систематическая работа над Учением. Писались очерки, стихи, повести и картины. Появились первые ментограммы. Велась переписка с друзьями. Некоторые из них, в том числе Альфред Петрович Хейдок, приезжали на Вихоревку к Зубчинским.

Лидия Ивановна и Николай Александрович шли по жизни, осененные высокой Любовью. Хочется привести два стихотворения Николая Уранова тех лет.

¹⁵ Уранов Н. Жемчуг исканий. Рига, 1996, § 553.

¹⁶ Там же, 488.

Лебедь на синей воде

Как хороша безмятежность
Сонной воды в камышах.
И бесконечная нежность
В синих, как небо, глазах...

Здесь — в опрокинутом небе —
Плыть бы с тобою весь век...
Вдруг, на пути нашем лебедь,
Сказочный, белый, как снег.

Как он красиво стремится,
Крылья над пеной подняв!
Греза любви, а не птица
Взвилась над зеленью трав.

Белым веслом разгребая
Синие волны небес,
Лебедь запел, улетаю,
И, затерявшись, исчез...

Было, прошло... и безбрежность
Льнет к одинокой ладье...
О, улетевшая нежность —
Лебедь на синей воде!

1967

Что год грядущий нам готовит...

Что год грядущий нам готовит?
Победу? Смерть? Такой же бой?
Ты знай — поверх любых условий
Любимый твой всегда с тобой!

Подняв свою любовь к вершине,
Как непреклонный монолит,
Он не предаст своей святыни
И честь твою не оскорбит.

Его любовь перетерпела
И гнет сомнения в тиши,
И вопли жаждущего тела,
И одиночество души.

Она, как огненное знамя,
Вела, храня как лучший щит,
Ее негаснущее пламя
Ни жизнь, ни смерть не победит.

Пусть пульс замрет, пусть рухнет тело,
Но разве пламя лишь в крови?!
Нет ни конца, и нет предела
Всепобеждающей любви.

Разлуки боль даст радость встречи,
Когда есть верность до конца,
И чем она надчеловечней,
Тем ярче блеск ее венца.

Не все ль равно, в каком там плане,
Когда и где — но вижу — вот,
Сквозь дым редяющий страданий —
К нам радость яркая идет.

Не все ль равно, в каком там месте
Она нам даст на боль ответ!..
Как хорошо нам будет вместе,
Мое Тепло, мой нежный Свет!

Тогда подумай лишь, родная,
Деля и горе и восторг,
Мы вновь пойдем, вдвойне пылая,
В неограниченный простор!

Вдвойне? А, может быть, стократно!
Неразлучимы с той поры,
Мы вступим в море необъятной
Любви, рождающей миры.

В 1971 году Зубчинские переехали в г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской области, осуществив свою давнишнюю мечту быть поближе к Алтаю. Но это была не только мечта. Незадолго до переезда Николай Александрович видел волнующий сон: он видел Урусвати и беседовал с ней. Во время беседы Урусвати благословила его на поездку, сказав, что она нужна для поднятия духа. «Лишь пару лет спустя, — вспоминает Николай Александрович в письме к Хейдоку, — я, кажется, понял, что в такой кармически прикровенной форме, дабы не повлиять на наше решение, разговор шел о самом насущном для того времени: НУЖНО ЛИ ЕХАТЬ НА АЛТАЙ? Значит, все Ваши надежды на сокровенные цели [переезда] отпадают, и перемещение было необходимо лишь для поднятия духа. Ну что ж, разве это мало? Значит, это Ур. послала нас на Алтай! Разве это не радостно?»¹⁷

Одновременно с переездом Зубчинские вышли на пенсию и могли целиком отдаться работе над Учением. Экологическая обстановка в городе, крупном центре цветной металлургии, была очень тяжелой. Зубчинским удалось купить небольшой крестьянский дом с участком земли примерно в 150 км от Усть-Каменогорска, в красивой горной местности на берегу реки Ульбы в Рудном Алтае. Они называли это место Урангой, Николай Александрович очень любил его. Здесь

¹⁷ Уранов Н. Нести радость. С. 56—59.

они проводили летние месяцы, трудясь в саду и принимая приезжавших к ним друзей.

В 1974 году Николай Александрович и Лидия Ивановна побывали в Москве на праздновании 100-летней годовщины со дня рождения Николая Константиновича Рериха. Здесь они встретились со многими друзьями, с которыми не виделись долгие годы, познакомились с новыми людьми, в их числе с Людмилой Васильевной Шапошниковой. Юбилей отмечался во всем мире по рекомендации ЮНЕСКО. Советское правительство решило принять участие в этом важном международном культурном мероприятии. Широкий размах торжеств, утверждение имени Н.К. Рериха не могли не радовать. Все было очень торжественно и... официозно. От пронизательного взгляда Н.А. не могло ускользнуть и оставило неприятный осадок стремление некоторых людей настойчиво подчеркнуть свою близость к великому человеку, просить его отраженной славой. Но, конечно, несмотря на все издержки и несовершенства, празднование 100-летнего юбилея Николая Константиновича Рериха имело выдающееся значение.

Поездка в Москву была для Зубчинских тяжелым испытанием. Табачный дым, автомобильный смог, скопление больших масс людей были невыносимы для их здоровья. Больше они никуда не выезжали с Алтая.

Мне посчастливилось познакомиться с Николаем Александровичем года за полтора до его ухода из жизни. В течение этого времени я несколько раз приезжал к нему, гостил у него и Лидии Ивановны. И теперь, спустя много лет, я храню незабываемое ощущение соприкосновения с человеком большой светлой души. Никакой напыщенности самоявленных «адептов». Простой, очень сердечный, немного суровый человек. Он любил шутки и обладал тонким чувством юмора. Суровость сочеталась у него с терпимостью к людям с их неизбежным несовершенством и строгой требовательностью к самому себе. Беседы с ним были весьма поучительны, а значение их часто рас-

Н. Уранов. Пос. Вихоревка. 1950-е годы, вскоре после освобождения

А.П. Хейдок и Н.А. Уранов. Рудный Алтай. 1970-е годы

крывалось спустя много время. И, конечно, не-оценимыми были его письма. Когда я думаю о Николае Александровиче Уранове, я вспоминаю его стихи:

*Орлы летают высоко,
Но не завидуйте орлам.
Им в небе тоже нелегко,
Как нелегко на скалах вам.*

Николай Уранов ушел из жизни 6 июня 1981 года, похоронен на скромном сельском кладбище близ Лениногорска (ныне г. Ридер). Ушел внезапно от сердечного приступа. У него

были обширные творческие планы, которые остались незавершенными.

Из письма Л.И. Зубчинской Нине Ивановне Абрамовой от 8 июня 1981 г.: «Он ушел от нас в 5 часов 6 июня. Безмерна моя человеческая тоска по нему. Вы можете меня понять, так как сами прошли через это; но в то же время радуюсь освобождению этого немалого духа от оков материи.

Последними словами его были: «Вспомнил...». С 1-го по 2-ое июня у него произошел инфаркт, течение болезни было вполне благоприятным, и чувствовал он себя вполне удовлетворительно. За два дня до смерти он проснулся после дневного сна, глаза блестели, и в них стояли слезы, на

щеках был румянец, и сказал, что сейчас вернулся из «Докиуда», где испытал неопишное блаженство, что там он встретился со многими ушедшими друзьями, в том числе с Б.Н. [Абрамовым], и многими еще, кого он даже на Земле не знал.

Многих он видел, но большинство просто ощущал каким-то особым образом, и самым сильным чувством, испытанным там, было чувство необыкновенной гармонии и единения. Там живут все ученики и работают. Место, по его словам, в тысячу раз красивее нашей Уранги. Он тоже прибыл туда, чтобы жить. <...> Потом он проснулся и все пытался передать мне то чув-

ство блаженства, которое он испытал там, но, говорит, что передать это словами невозможно. <...> Мы оба поняли, что наступил его последний час. Через несколько часов у него произошел повторный, по-видимому, обширный инфаркт, и через сутки он отошел в лучший мир. У меня было ощущение какой-то торжественности и значимости этого момента, и личное горе как-то отошло на второй план»¹⁸.

Через несколько дней после Ухода Н.А., Лидия Ивановна видела его во сне, он сказал: «Передай всем друзьям, пусть не боятся умирать, здесь так хорошо».

«Бей же, бей же, помощник мой ярый...»

С момента, когда имя Николая Уранова стало известно широкому читателю, прошло десять лет. За это время для многих он стал любимым и дорогим автором, многим помог разобраться в сложных жизненных ситуациях и философских проблемах. Книги Уранова ищут, спрашивают люди из различных регионов России, из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Помимо книг его произведения появились в интернете. Хороший сайт, посвященный Уранову, открыл Юрий Маняхин из Ростова-на-Дону (<http://www.n-uranov.narod.ru>). Появилось много новых друзей и почитателей. Особенно радуется, как хорошо его принимает молодежь.

Но, конечно, появились не только друзья. По неумолимому закону полярности, проявились также враги и недоброжелатели. Николай Александрович предвидел, что его труд будет встречен неоднозначно.

«Если друзья, — писал он, — делятся друг с другом добытыми сокровищами, то каждого, принесшего крупицу Истины, казалось бы, надо сердечно благодарить и радоваться совместно. Но вместо этого часто зависть, невежество и самомнение встречают сокровище подозрением: не фальшивое ли “золото”, не обманщик ли принесший его, от Бога или от черта принесены ключи, открывающие тайны жизни. Когда, казалось бы, куда проще ПРОВЕРИТЬ СВЕДЕНИЯ НА ЖИЗНИ, ведь КАЖДЫЙ ШАГ ЖИЗНИ подтвердит Истину и опровергнет ложь. Но разве ленивый невежда возьмет на себя труд такой проверки!»¹⁹

Надо сказать, что большинство из тех, кто отвергает Уранова, никогда не читали ни одного из его произведений и страшно боятся взять их в ру-

ки, опираясь на мнение самолюбивых «авторитетов». Можно пожалеть этих людей, можно напомнить им, как Елена Ивановна Рерих в своих письмах с горечью пишет о людях, которые осуждают те или иные произведения, не дав себе труда ознакомиться с ними. Что же касается тех, кто публично клеветает на Николая Александровича, из собственных побуждений или повторяя чьи-то чужие слова, то можно напомнить им, что говорится по этому поводу в «Надземном»: «Человек готов признать преступность клеветы, но не подумает, что он может клеветать, не отдавая себе отчета, какой космический вред он порождает. <...> Не следует думать, что посев клеветы может быть легко искоренен. К прискорбию, такие яды живут долго и оставляют неизгладимые следы в Космосе. Потому пусть люди подумают, какая ответственность за суждения ложится на них»²⁰.

Большинство обвинений в адрес Николая Александровича связано с тем, что он якобы отрекся от своего Учителя Бориса Николаевича Абрамова. Мы исчерпывающе осветили этот (и другие) вопросы в материале «Правда об Уранове», опубликованном в журнале «Мир Огненный»²¹. Конечно, сейчас этот номер журнала трудно найти, но можно познакомиться с материалом в интернете, на сайте Ярославского Рериховского общества (<http://www.yro.narod.ru/raspoznanie/raspozn8.htm>) или на сайте Ю. Маняхина, о котором мы упоминали выше. Не хотелось бы вновь возвращаться к этому вопросу. Но поскольку обвинения повторяются вновь и вновь и люди несведущие, желая разобраться, задают вопросы, придется коротко вернуться к тому, о чем мы уже писали ранее.

¹⁸ Зубчинская Л.И. Письмо Н.И. Абрамовой. 8.06.1981. Архив Л.М. Гиндилиса.

¹⁹ Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью, 287.

²⁰ Надземное, 801.

²¹ Правда об Уранове // Мир Огненный, 1995, № 3/8. С. 36—61.

Да, благодаря наветам «друзей» в то время, когда Борис Николаевич еще был в Харбине, а Николай Александрович только что вышел из заключения, в отношениях между ними произошло временное осложнение. Когда я познакомился с Николаем Александровичем, я ничего не знал об этом, не знал и о том, кто такой Борис Николаевич. Но Н.А. сам, не скрывая, рассказал мне о том, что произошло. Никакого осуждения, даже тени осуждения в адрес своего Учителя он не высказывал. Только сожаление. И готовность терпеливо ждать, когда все разрешится.

Напомню, что после приезда Бориса Николаевича в Советский Союз контакт между ним и Николаем Александровичем начал восстанавливаться. Переписывались они через сестру Николая Александровича Веру Александровну, а после ее смерти — через дочь Веры Александровны Елену Аркадьевну Иванову. Такой способ был выбран по взаимному согласию, чтобы избежать осложнений для Абрамова, так как Н.А. Зубчинский, как мы уже писали, попал под подозрение лагерного начальства, и ему угрожал повторный арест. Елена Аркадьевна познакомила меня с письмами Бориса Николаевича. Контакт поддерживался также через А.П. Хейдока. После одной из встреч Борис Николаевич написал Е.А. Ивановой: «А.П. был у нас, о многом поговорили и вспомнили. Полностью ликвидированы те неприятные выдумки»²². Спустя два года, уже незадолго до своего ухода, Борис Николаевич в письме к Е.А. пишет: «Скажите при случае, что когда повидаемся, то все объяснится и уладится хорошо и просто, а главное без посредников. В данном случае посредничество ни к чему не приведет»²³. Борис Николаевич и Николай Александрович стремились встретиться и готовились к этой встрече, но она не состоялась: Борис Николаевич неожиданно ушел из жизни. После его ухода переписка продолжалась с Ниной Ивановой Абрамовой. Когда она узнала о смерти Николая Александровича, она прислала очень теплое письмо Л.И. Зубчинской. Там были такие слова: «Конечно, утрата незаменима как для Вас, так и для нас, Ваших друзей. <...> Я очень тяжело переживала уход Коки...»²⁴ К этому письму, написанному на листке в четверть обычного формата, приколот совсем маленький клочок бумаги, на нем в кавычках только одна фраза: «Он был моим учеником и остался им. Привет ему и любовь моя».

Люди, стремящиеся понять, что же произошло между Урановым и Абрамовым, обычно ссылаются на Н.Д. Спирину, которая пишет, что вскоре по приезде на Родину Уранов «отказался от Абрамова под тем предлогом, что он якобы перерос своего Учителя». Люди с недоумением или возмущением спрашивают: как такое могло случиться? Что им ответить? Из сказанного выше видно, что Николай Александрович никогда не отрекался от своего Учителя. О том же пишет и Лидия Ивановна Зубчинская²⁵: «До самой смерти Б.Н. Абрамова мы сохраняли связь с ним и навсегда сохранили чувство благодарности за те знания, которые от него получили». Но откуда же тогда возникла версия, будто бы Н.А. считал, что он перерос своего Учителя? Я долго ломал голову над этим вопросом. Может быть, поводом послужила следующая ментограмма Уранова:

«Да, ученик может догнать и перегнать своего учителя. Не будем пугаться этого повседневно встречающегося явления»²⁶. Каждый передающий знания является учителем. Может насту-

А.М. Гиндилис и Н.А. Уранов.
Рудный Алтай. 1980

²² Абрамов Б.Н. Письмо Е.А. Ивановой. 24.12.1969. Архив Е.А. Ивановой.

²³ Абрамов Б.Н. Письмо Е.А. Ивановой. 13.10.1971. Архив Е.А. Ивановой.

²⁴ Абрамова Н.И. Письмо Л.И. Зубчинской. 22.06.1981. Архив Л.М. Гиндилиса.

²⁵ Уранова-Зубчинская Л.И. Никогда Н.А. Уранов не отрекался от своего учителя // Мир Огненный, 1995, № 3/8.

²⁶ В науке, например, такое встречается довольно часто. — Л.Г.

пить такой момент, когда ученик вместит все знания учителя, и последнему уже нечему будет его учить. Может наступить такой момент, когда ученик превзойдет знание своего учителя и станет сам его учителем, а учитель учеником своего ученика.

Все зависит от духовного потенциала и его проявления на Земле. Платон какое-то время был учеником Сократа, но в то время как Сократ не достиг степени Посвящения, Платон сделался Великим Посвященным»²⁷.

Почему недоброжелатели Уранова решили, что это относится к самому Уранову и его Учителю Борису Николаевичу Абрамову, — остается только гадать. Впрочем, когда хотят оклеветать человека, любой предлог кажется подходящим.

Говорят также о медиумизме. Так говорят те, кто либо не читал произведений Уранова, либо полностью лишен способности распознавания. Николай Александрович не боялся клеветы и был готов к ней. В стихотворении «Приказ» (1960 г.) он писал:

*Пусть ярче факел клеветы
Нам освещает путь,
Единый путь туда, где Ты —
И некуда свернуть.*

Понятно, что, когда нападают враги, надо защищаться. А что делать, когда нападают друзья? «Что делать с теми, кто нападает на вас? Невежество остается невежеством везде. Против невежества друзей защищайтесь знанием и молчите там, где это знание будет не по сознанию оппонентов. Остальное предоставьте времени и пространству»²⁸. Удары врагов и удары друзей закаляют дух человека. Еще в молодости Уранов написал стихи:

Удары

*От ударов не будем печальней.
Губы сжав, мы отгоним печаль.
Пусть же молот о грудь наковальни
Закаляет духовную сталь.
И тогда — кто стоит непреклонно,
Кто незыблем и тверд как гранит,
Тот увидит во мраке сгущенном,
Как горят от ударов огни.*

*Так под натиском бешеной своры
Мы все ближе подходим к черте,
За которой бескрайни просторы.
И просторы ведут к Красоте.
Бей же, бей же, помощник мой ярый,
Сыпь удары на сердце, как град —
Мы ведь знаем, как ценны удары,
Мы ведь знаем, КУДА нас теснят.*

1940

Спустя 20 лет, уже пройдя лагеря и выйдя на свободу, Уранов возвращается к той же теме, но уже в ином ракурсе.

Подвиг

*Принять Огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей —
Пройти через толпу чудовищ
Между гирлянд шипящих змей,
Когда любое проявленье
Им недоступной доброты
Невежды сделают мишенью
Для самой злобной клеветы.
Когда коварный и преступный,
Святым себя считая сам,
Как тень при свете, неотступный,
Враг устремится по пятам.
Когда пригретый лаской нежной,
От бед спасенный столько раз,
Придет предатель неизбежный
Предать неожиданно в добрый час.
Скажу я: — Нет таких чудовищ,
Чтоб запретить душе моей
Принять Огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей.*

1960

Это стихотворение можно считать программой жизни Николая Уранова.

Николай Уранов прожил достойную жизнь, полную творческих исканий, борьбы и трудов. Он оставил после себя очень ценное наследие. Хорошо сказал о нем А.П. Хейдок: «На его долю выпало немало испытаний, которые он переносил с твердостью и мужеством. Истинно, о нем можно сказать, что он прошел жизнь, как по струне бездну, — красиво, бережно и стремительно»²⁹.

²⁷ Уранов Н. Жемчуг исканий, 321.

²⁸ Там же, 64.

²⁹ Хейдок А.П. Жизнь-подвиг. Цитируется по рукописи. Архив Л.М. Гиндилиса.

Воспоминания об Уранове

*Из выступлений на собрании Рериховского кружка
г. Усть-Каменогорска
в марте 1994 и январе 2000 гг.*

Дорогие мои, друзья просили рассказать о Николае Уранове, вернее, о моем муже и друге Николае Александровиче Зубчинском, ушедшем от нас почти 20 лет тому назад. Вы должны понять меня, как трудно говорить мне о дорогом, духовно близком человеке. Я не хочу что-либо преувеличивать, и в то же время было бы не справедливо умалчивать о том, чему я была свидетельницей.

Мне хочется рассказать вам маленькую историю. До приезда в г. Усть-Каменогорск мы жили в небольшом сибирском поселке Вихоревка, недалеко от города Братска. Это были шестидесятые годы. Дома у нас были барачного типа. Снабжение молочными продуктами было плохое, и нам их приносила из соседней деревни простая старая женщина, татарка. Она заходила почти в каждую квартиру, и так как шла издали и с тяжелой ношей, то некоторое время сидела и отдыхала. Иногда я поила ее чаем, и мы беседовали с ней о самых обычных вещах. Иногда заходил муж и тоже перебрасывался с нами несколькими словами.

И вот однажды она говорит мне: «Вот наблюдаю я за вашей семьей и вижу, что вы живете одной мыслью». Меня так поразило высказывание этой простой, неграмотной женщины, интуитивно сумевшей проникнуть в самую суть. Никто из наших друзей, знакомых не мог бы сказать точнее. Мы, действительно, всю жизнь прожили одной мыслью — мыслью об учении Живой Этики. Мысль об Учении привела сначала моего мужа, а потом и меня к нашему общему Учителю Б.Н. Абрамову, который был учеником Н.К. Рериха. Он же и познакомил меня с мужем и соединил наши судьбы. Мысль эта пролегла красной нитью через всю нашу дальнейшую судьбу. Уранову она помогла пережить 11 лет сибирских лагерей, и не только выжить, но и накопить большой духовный опыт для будущего творчества. Эта же мысль об Учении помогла мне пережить отчаяние разлуки после его ухода и продолжить работу над завершением того, что он не успел закончить.

Хочу сказать несколько слов о нашем Руководителе Борисе Николаевиче Абрамове. В своей жизни я встретила только трех людей, которые были преданы Учению безраздельно. Это были Б.Н. Абрамов, А.П. Хейдок, писатель (последние годы он жил на Алтае, и многие друзья с ним встречались), и Уранов.

Б.Н. Абрамов и А.П. Хейдок были примерно одного возраста, оба они подошли к Учению и стали учениками Н.К. Рериха, когда он приезжал в Харбин. Они имели от него кольца — знак ученичества. В то время Н. Уранов был очень молодым человеком, а я была маленькой девочкой. Позже он стал учеником Абрамова, а потом и я. К сожалению, именно сейчас, когда Учение стало достоянием широких масс, а также появилось много параллельной литературы, люди, почитав немного, что-то увидев и открыв у себя какие-то способности, очень быстро проникаются огромным самомнением. Страшно легковесным стало понятие института ученик-Учитель, очень легко оперируют этими словами, не отдавая себе отчета и не понимая всю ответственность института ученик-Учитель.

Конечно, мы с вами, читая книги Учения, письма Елены Ивановны Рерих, можем считать себя последователями и учениками Рерихов, Блаватской, Учителей Шамбалы. В какой-то мере это правильно, ибо мы учимся на Их трудах, постигаем что-то у Них и у других великих людей и даже друг у друга. Но истинное ученичество, о котором так много говорится в Учении, это совсем другое. У Христа было всего 12 учеников, и один оказался предателем. У Будды и того меньше. Чтобы стать учениками Учителей Шамбалы, такими, как были Рерихи, Блаватская, надо было пройти долгий путь сотрудничества на протяжении многих тысячелетий, пройти длительную подготовку, трансмутацию центров, иначе такой контакт с Высокими Сущностями может быть смертельным. Раз в столетие в Шамбалу допускается один, много — два человека. В прошлом столетии была Елена Петровна Блаватская, а в

этом — Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи.

И так больно и грустно знающим все тяготы ученичества слышать, как в наше время на каждом углу появляются посвященные, ученики Шамбалы, получающие откровение из Шамбалы. Хочется верить, что это происходит от недостаточного знания Учения, то есть от невежества.

Конечно, сейчас время особенное, идет сближение миров — плотного и тонкого, поэтому гораздо больше проявлений, у людей открываются многие способности, которых раньше не было, идет информация. Елена Ивановна очень хорошо об этом сказала: «Не все прекрасные сообщения из Великой Твердыни. Много прекрасных духов, перешедших границу, получают возможность передавать свои мысли земным обитателям». Ведь существует океан пространственной мудрости, и при известном уровне развития сознания можно черпать из него много ценного и нужного людям, но зачем же непременно объявлять, что все это получается из Шамбалы. Это обнаруживает только плохое знание Учения и не только не возвышает получающего, но скорее умаляет его. Ибо есть Вещи, о которых нельзя болтать на каждом углу и перекрестке, иначе по закону Кармы на перекрестке так и останешься. Гораздо лучше просто с благодарностью принимать то, что дается, и повышать свои знания, уровень своего сознания, чтобы иметь возможность постепенно черпать из более высоких слоев тонкого мира, ибо качество получаемой информации зависит исключительно от уровня сознания принимающего эту информацию.

Сегодня я впервые упомянула своего Учителя, земного учителя, или Руководителя Бориса Николаевича Абрамова только лишь потому, что теперь вышли его книги, в которых обозначен его духовный опыт, а до этого времени лишь три, четыре самых близких человека знали о моем земном Учителе, ибо это понятие для нас было свято, такие правила были в нашей школе ученичества.

Я не случайно сделала такое отступление, чтобы было понятно, в каких традициях проходило наше духовное воспитание. Теперь возвращаюсь к Уранову.

Он был таким же человеком, как и мы с вами, со своими человеческими слабостями и достоинствами, но одно совершенно бесспорно, это то, что он был человеком творческим с самого раннего детства. Лет 8 — 10 он издавал свой семейный журнал. Сам его сшивал из бумаги, иллюстрировал, писал в него рассказы. Текст был написан красивым каллиграфическим почерком, который сохранился у него на всю жизнь. В те годы дети увлекались рассказами об индейцах. Вот и

Николай Уранов. 1950-е гг.

он писал рассказы на эти темы и рисовал индейцев. Два таких журнала у него сохранились, и он мне их показывал. Это было удивительно для такого маленького ребенка.

Он был четвертым ребенком в семье. Детство его проходило в знаменитой Маньчжурской тайге. Там, на станции Вэйшахэ, существовали угольные копи, где его отец работал управляющим. В их семье все дети были талантливы, все рисовали, писали стихи, играли на фортепиано. Обе сестры были даже профессиональными художницами. Старшая сестра занималась прикладным искусством, а средняя в последнее время работала декоратором в Новосибирском драматическом театре. Брат тоже хорошо рисовал, хотя был инженером по специальности. Н. Уранов рисовал всю жизнь, и, хотя он никогда этому не учился, профессиональные художники высоко оценивали его картины. Он писал стихи, повести, играл на рояле, сочинял музыку. Всему этому способствовала близость к прекрасной природе. Он очень любил тайгу и горы, в городе он чувствовал себя как птица в клетке.

В молодости он был очень здоровым и жизнерадостным человеком; в 31 год, когда мы с ним встретились, он выглядел гораздо моложе своих лет. Мне было в это время 19. Как я уже говорила, познакомил нас наш общий Учитель Борис

Николаевич Абрамов, он же соединил наши судьбы. Мы поженились, но счастье наше было недолгим. Через шесть месяцев наступила разлука. Маньчжурия была занята советскими войсками, и Н.А., в числе 13 тысяч репрессированных, попал в сталинские лагеря. Для меня наступили годы тяжких испытаний, а для Уранова крестные муки. Через 11 лет, уже после смерти Сталина, он был освобожден и реабилитирован, как необоснованно осужденный. На свободу Н.А. вышел уже больным человеком и более суровым по характеру. В лагере он болел язвой желудка, перенес резекцию желудка и инфаркт миокарда, много раз был на грани смерти, но каждый раз неожиданно приходила помощь. Большую часть срока Н.А. работал на лесоповале, и лишь последние годы ему посчастливилось попасть в лагерную художественную мастерскую, где работали профессиональные художники заключенные, они выполняли заказы для театров, гостиниц, клубов, писали портреты вождей. И там работы Н.А. оценивались как одни из лучших. После того, как он попал в больницу с язвой желудка и встретился там со знакомым врачом земляком, Н.А. оставили работать в больнице ночным фельдшером. Это было спасение от непосильных работ и голодной смерти. И даже в те тяжелые годы он продолжал писать стихи и продиктовал несколько повестей, которые Н.А. подарил человеку, записавшему их. Две из них мне впоследствии удалось раздобыть.

В лагерях, когда нельзя было ничего писать и заключенным не разрешалось иметь бумагу и карандаши, он старался на память запомнить все то, что он читал в книгах Живой Этики. За два года до его освобождения, когда жизнь в лагерях стала легче, мне удалось переслать ему книгу «Сердце». И Н.А. на изготовленной им самим книжечке из тетрадей написал «Науку о “Сердце”» — это были комментарии, вернее его видение книги «Сердце». Эти семь записных книжечек в те далекие годы побывали во многих городах России и многим помогли в понимании Учения, ибо в ту пору еще не было в России книг Учения, или были единичные экземпляры, случайно попавшие сюда.

Выйдя из лагеря, Н.А. все свое свободное время посвящал изучению Учения, «Тайной Доктрины» и работы над ними. Также он хорошо знал астрологию, которой тоже занимался всю жизнь.

В 1956 году мы снова встретились и поселились в сибирском поселке Вихоревка, Иркутской области. Опять нас окружала тайга, красивая природа, опять писались стихи, картины, сочинялась музыка. Творческие способности Н.А. проявля-

лись и в быту, он постоянно что-то усовершенствовал в нашей жизни: то делал настольную лампу, то особый замок на двери, то сигнализацию в сарае, где стоял мотоцикл. Н.А. мог все ремонтировать сам, включая телевизор, когда таковой появился у нас. Все время его мысль работала творчески. Вставал Н.А. рано, в три часа ночи и работал часов до 7 утра, в эти часы лучше всего думалось и писалось.

Мы продолжали жить в Сибири, работали врачами в лагерной больнице. Часто ездили в лес, сначала на велосипедах, а потом на мотоцикле.

В это время Н.А. также занимался фотографией и делал слайды прекрасной сибирской природы. Ему очень хотелось рисовать, он нарисовал несколько картин, писал стихи, но потом понял, что времени у него остается мало, и он полностью занялся Учением, оставив только музыку. Н.А. говорил, что она продлевает ему жизнь. За это время у него был второй инфаркт, потому он очень спешил. Когда Н.А. ушел, то все его работы остались в черновиках, и мне долго пришлось собирать их в отдельные сборники, которые вы знаете теперь. Конечно, не все еще я успела сделать, может быть, и не все успею, но главное сделано.

Еще одним из видов нашего совместного творчества были мелодекламации. Н.А. писал музыку на свои стихи, на стихи Есенина, а я декламировала. Мы записывали их на магнитофон. Но, к сожалению, тогда пленки были несовершенными и записи плохо сохранились.

В 1971 году мы вышли на пенсию и переехали в г. Усть-Каменогорск. С молодости Н.А. мечтал жить на Алтае, но по состоянию здоровья уже трудно было жить в условиях Горного Алтая, и мы поселились в Устье Каменных гор, в какой-то близости к Алтаю. Город произвел на нас удрушающее впечатление, и как выход из этого положения мы на лето переезжали в поселок в горах, покрытых тайгой, под Лениногорском. Эти места напоминали Н.А. родные таежные места. Пока были силы, мы часто уходили в лес и проводили там целый день. Он так любил природу и все живое, цветы, птиц, записывал на пленку их пение, даже камни были для него живыми. В детстве у Н.А. была лошадь, и всю жизнь у нас были собаки, мы не представляли жизни без них. Но больше всего он любил людей. Так много человеческих судеб прошло через его жизнь, столько было встреч на жизненном пути, и все они оставили свой след в сознании и многому научили; они научили состраданию, терпимости и любви, и он дарил ее людям в общении с ними и в письмах — он вел очень большую переписку с друзьями.

Когда мы поселились в нашей летней усадьбе, которую мы назвали Урангой, что значит «Ог-

ненный поток», Н.А. сказал: «Я хотел бы всегда жить здесь и умереть здесь». Его желание исполнилось, там 6 июня 1981 года он ушел из жизни и похоронен там, на сельском кладбище.

Что касается его духовного пути, то это разговор особый. С ранней юности начались поиски смысла жизни. Эти поиски привели его к Борису Николаевичу Абрамову, и он стал его учеником. В ту пору Уранову было 17 лет. В 1934 году в Харбин приехал Н.К. Рерих и привез книги Живой Этики. Вскоре Б.Н. Абрамов и его жена Нина Ивановна стали учениками Н.К. Рериха. Н. Уранову в то время было 20 лет, он был студентом юридического факультета, ходил на все выступления Н.К. Рериха, которые произвели на него неизгладимое впечатление, и таким образом его дальнейший духовный путь тоже определился. Вся дальнейшая жизнь была подчинена идеям Учения, она обрела новый прекрасный смысл.

Для Уранова это был путь непрестанного труда, особенно труда над собой. Сейчас я коснусь одной из граней этого труда. Путь Учения есть путь, прежде всего, духовного самосовершенствования. Сказано: «Дисциплина духа прежде всего», «Кто ответственен за волю свою, пусть войдет». «Когда над всеми чувствами ученика сияет серебряная узда духа...» — тогда считалось, что ученик готов. Все это прекрасные возвышенные слова, но к достижению такой ступени ведет ежедневная кропотливая работа, которая начинается с выработки в себе целого ряда положительных качеств и избавления от многих недостатков, мешающих на Пути. Этой стороне духовной работы Уранов посвятил много времени, он пытался систематизировать собственный опыт и облегчить работу для других, идущих следом. Он предложил для удобства положительные качества называть качествами, а недостатки — свойствами. Каждую минуту в течение дня мы все время проявляем какое-то качество, или чувство, одни ли мы или в общении с людьми. Елена Ивановна говорит, что самое большое искусство — это искусство творить отношения между людьми. Обратите внимание на слово *творить* отношения, значит, они или складываются спонтанно, или их можно сознательно творить. Уранов писал: «Что значит самосовершенствование? Не значит ли это установление правильного отношения к людям?»

В одном из писем Елена Ивановна писала, что многие считают работу над собой очень скучной, на самом деле нет более увлекательной и интересной работы. У Уранова есть такие слова: «Каждое качество и свойство само является причиной и следствием. Таким образом, все качества и свойства связаны между собой. Найдя точку на

этой связующей нити, можно поискать ближайшие причины и следствия». «Каждое качество имеет много синонимов и разновидностей. Например, гордость, тщеславие, напыщенность, самовосхваление, надменность и т. д. Так же многообразен страх: боязнь, робость, трусость, нерешительность, ужас». «Причиной всех отрицательных свойств человека является самость, которая есть обособление. Утверждая себя как самодовлеющий центр, человек тем самым рвет нити, связывающие его с другими, происходит разобщение, отталкивание от других». «Каждое качество имеет диаметрально противоположное себе свойство и наоборот. Эти качество и свойство — есть одно. Зло есть отсутствие добра. Невозможно уничтожить содеянное зло, но его можно покрыть большим добром. Настоящим паспортом человека является шкала его дурных и хороших свойств и качеств. Самосовершенствование есть сознательная трансмутация отрицательных свойств в положительные качества».

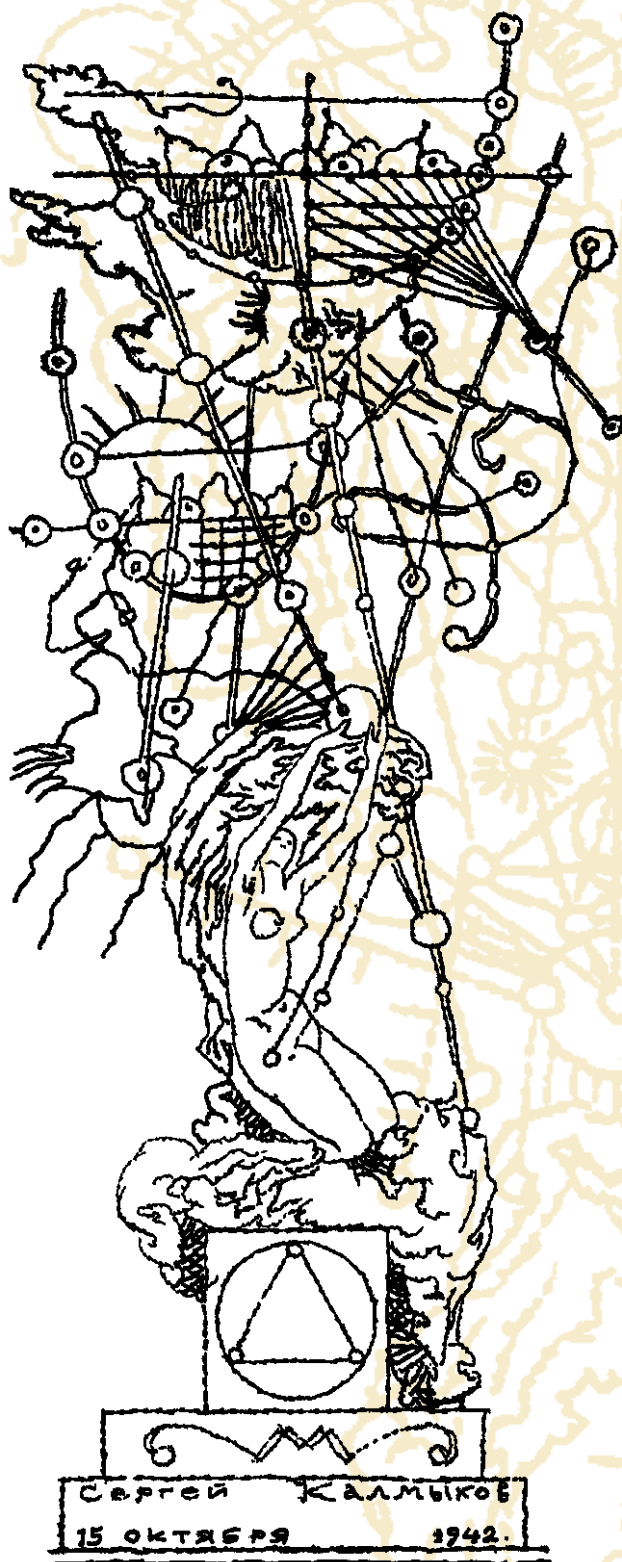
В Учении сказано: «Познай три наихудших свойства своих и предай их сожжению в огненном устремлении», — эти слова стояли эпиграфом в записной книжке Уранова. И если бы вы знали, как это трудно. Вот, казалось, вы уже нашли свои три наихудших свойства, но проходит какое-то время, возникают какие-то обстоятельства в вашей жизни, и совершенно неожиданно для себя у вас проявляются такие свойства, о которых вы даже и не подозревали. Проходят годы, а вы все еще часто не можете сказать с уверенностью о своих наихудших свойствах, а ведь это необходимо знать, чтобы трансмутировать их в положительные качества.

И последнее, о чем я хочу сказать, что когда уходит человек, постепенно мы возводим его на пьедестал, и он становится чем-то вроде иконы, которой мы склонны поклоняться, и возникают мысли, что ему было легко, потому что он был сильным и талантливым. Пока я жива, мне бы не хотелось, чтобы об Уранове было впечатление, что он где-то там, а мы здесь. Он был таким же живым человеком, как мы с вами. Он так же страдал, боролся, радовался, был веселым человеком, любившим шутку. Любил людей, был к ним всегда внимательным, очень любил животных и больше всего любил природу, особенно горы, тайгу. Он мог заблудиться в городе, но в тайге — никогда. Любил искусство, живопись, музыку и вообще все красивое. Отличительной чертой было то, что в любых условиях он старался идти верхним путем, как заповедано в Живой Этике.

Давид Маркиш

«Из глубины вселенной смотрят миллионы глаз»

Художника Сергея Ивановича Калмыкова (1891 — 1967) называют «последним представителем Серебряного века первого призыва», «последствием к русскому авангарду», еще одной его легендой. Намного пережив своих сотоварищей и единомышленников по искусству, обреченный на одиночество и непонимание, на заточение в своем духовно-творческом пространстве, он сумел обратить его в пространство свободы, устремленное в космос. Калмыков так и остался в искусстве инопланетянином. Каждое его произведение — «вещь в себе». Ему дано было озарение видеть то и так, как не видят простые смертные. Природу одаренности, гениальности он понимал как «биологическую трагедию художника». Он принадлежал к тем невольным творцам-аутсайдерам, маргиналам по призванию, которые составляют «соль земли» и без которых искусство прошлого века не имело бы своего горьковатого, странного, столь непривычного привкуса. Таких мастеров начинают понимать только после их ухода из жизни. Такова их судьба, они сами ее выбрали.

Сегодня о Сергее Калмыкове пишут в статьях и романах, создан Фонд его имени, готовятся новые выставки его работ, печатаются альбомы. Удивительный мир художника и яркая «кинематографичность» его судьбы привлекают внимание сценаристов. Его картины, рисунки, гравюры собирают самые крупные музеи Старого и Нового света. Имя художника Сергея Ивановича Калмыкова все глубже и прочнее укореняется в контексте культуры XX столетия.

С. Калмыков. Рождение человека. 1954 ▶

Не слушайте нашего смеха,
слушайте ту боль, которая за ним...

А. Блок

«...Жил при театре, зарабатывал задниками художник Калмыков. Тогда в наш лексикон только входило словечко “пижон”. Жители города одевались однообразно. Форменным цветом была темная серость.

Появление “пижона” Калмыкова на улицах воспринималось нами как счастливый ожог: широченные штаны, раскрашенные акварелью под закат, оголтело желтый сюртук, бурседые волосы по плечам и, в довершение ансамбля, необъятная бескозырка, без лент, но с красным верхом. Только сейчас я нашел ей сравнение — она была похожа на летающую тарелку. Его долго принимали за шпиона — слишком не по-нашему был одет. Нет, была еще серая холщовая сума на длинной помочке, пересекавшей портупейно спину и грудь. Всегда сутулясь, не поднимая глаз, брел он по своим непонятным делам, придерживая у бедра погромыхивающую суму.

Потом как-то незаметно ушел...

Наш сосед, честно служивший в театре постановщиком (рабочим сцены), рассказал, что комиссия по наследству распределила оставшиеся после “дурака” вещи так: одежонку забрал вахтер — отпугивать воробьев на личном огороде, а сума досталась ему. Золота и сберкнижек, к сожалению, не оказалось, хотя слухи были упорными¹.

Это воспоминание о Калмыкове из книги Олжаса Сулейменова «Трансформация огня». А вот зарисовка с натуры другого писателя, Юрия Домбровского, который сделал художника одним из персонажей своего замечательного романа «Факультет ненужных вещей».

«...Калмыков сам конструировал свои одеяния и следил, чтоб они были совершенно ни на что не похожи. У него на этот счет была своя теория.

“Вот представьте-ка себе, — объяснял он, — из глубины вселенной смотрят миллионы глаз, и что они видят? Ползет и ползет по земле какая-то скучная, одноцветная серая масса — и вдруг, как выстрел, — яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу”.

И сейчас он был тоже одет не для людей, а для Галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то яркое и отчаянное — красное — желтое — сиреневое. Художник работал. Он бросал на полотно один мазок, другой, третий — все это небрежно,

¹ Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба. Составитель — В.В. Лихолат. Под общей редакцией Г.В. Воротынцева. Алматы, 2003. С. 81 — 82.

походя, играя — затем отходил в сторону, резко опускал долу кисть — толпа шарахалась, художник примеривался, приглядывался и вдруг выбрасывал руку — раз! — и на полотно падал черный жирный мазок. Он прилипал где-то внизу, косо, коряво, будто совсем не у места, но потом были еще мазки, и еще несколько ударов и касаний кисти — то есть пятен — желтых, зеленых, синих, — и вот уже на полотне из цветного тумана начинало что-то прорезываться, сгущаться, показываться. И появлялся кусок базара: пыль, зной, песок, накаленный до белого звучанья, и телега, нагруженная арбузами. Солнце размыло очертания, обесцветило краски и стесало формы. Телега струится, дрожит, расплывается в этом раскаленном воздухе...»²

Домбровский первым угадал иномирную природу дарования художника. «...Я вдруг понял, что же здесь изображено, — комментирует он один из пейзажей. — Калмыков на-

С. Калмыков. Фантастический ландшафт. 1961

С. Калмыков. Нимфа с лирой. 1939

писал землю вообще, какой она ему представлялась в то далекое утро. Чуждую, еще не обжитую планету. Вместителище диких неуравновешенных сил. Ничего, что тут ребята, ничего, что они купаются и загорают, до них речке никакого дела нету: у нее свой космический смысл, своя цель, и она выполняет его с настойчивостью всякой косной материи. Поэтому она и походит на обнаженную связку мускулов, поэтому все в ней напряжено, все на пределе. И глыбы ей тоже под стать — потому что и не глыбы они вовсе, а осколки планеты, куски горного хребта, и цвета у них дикие, приглушенные — такие, какие никогда не используют в своей работе люди... Здесь, на крохотном кусочке картона... бушует такой же космос, как и там, наверху, в звездах, галактиках, метagalactиках, еще Бог знает где... Да и они сами, эти камни, просто-напросто разлетевшиеся и застывшие сгустки ее мощи... Это Алмаатинка, увиденная из туманности Андромеды...»³

Алма-Ата стала последним перегибом в жизни Сергея Ивановича Калмыкова. Здесь он создал большую часть своих произведений. Он стал органической частью города,

² Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба. С. 87 — 88.

³ Там же. С. 98 — 99.

Семья Калмыковых. 1896

его достопримечательностью. Он просто не мог быть «как все», к нему привыкли, без его «театрального» стиля, без его арт-жестов улицы и площади восточного города выглядели бы иначе. Обыватели тыкали в него пальцами. Если он участвовал в выставках, появлялись возмущенные реплики в прессе: «Совершенно непонятно, каким образом и зачем устроители выставки пропустили картины некоего Калмыкова... Неприятная, бездарная мазня». Интеллигенты, посмеиваясь над его уличными театральными афишами к «Кармен» и «Прекрасной Елене», называли его «опасным соперником Тулуза Лотрека». Многие не подозревали, что «доморощенный сюрреалист с лицом христианского мученика» — высокий профессионал, впитавший классические уроки мировой культуры и духовно-художественный опыт Серебряного века.

Недосягаемый для насмешек и недоступный для критики, Калмыков не нуждался в призна-

нии. Домбровский говорил, что к нему можно было с полным правом отнести пушкинское «Ты царь — живи один». Он так и жил, ощущая свое первородство. Человек, всецело погруженный в мир своих космических фантазий и довольный своей судьбой.

«Загадка века. Самый элегантный мужчина земного шара!

Величайший деятель наук и искусства.

Гений первого ранга междупланетной категории» — так он писал о себе.

Сергей Калмыков родился в 1891 году в семье железнодорожного служащего средней руки. «Мне посчастливилось — я родился в последнем десятилетии девятнадцатого века, и не где-нибудь, а именно в Самарканде, столице Тамерлана, украшенной шедеврами арабского стиля» («Заметки для автобиографии»). Потом семья переехала в Оренбург, отсюда в 1909 году Сергей отправился в Москву учиться рисованию у знаме-

нитого Юоона. Год спустя он стал студентом Петербургской школы Елизаветы Николаевны Званцевой. Его учителя — Мстислав Добужинский и Кузьма Петров-Водкин; последний сравнивал талантливую ученика с «молодым японцем, только что выучившимся рисовать». Здесь, в школе Званцевой, двадцатилетний Калмыков создает свой ученический этюд «Красные кони». Ему казалось, что он «явил миллионы всех возможных коней, освещенных закатом». Это было романтическое предчувствие «смены фильтров», возможностей цвета (Анри Матисса он тогда еще не видел). Год спустя Петров-Водкин написал свою знаменитую картину «Купанье красного коня». Известно мнение, что юноша на красном коне — это молодой Владимир Набоков, но Калмыков узнавал в молодом всаднике себя: «К сведению будущих составителей моей монографии, — уведомлял он, — в образе томного юноши на этом знамени изображен я собственной персоной».

Монографии о художнике Сергее Калмыкове до сих пор не существует⁴, но искусствоведы и историки искусства из разных стран (их становится все больше) едины во мнении, что определяющей в формировании его творческой личности была сама атмосфера Серебряного века с его невиданным духовно-интеллектуальным напряжением, мощным взлетом русской религиозной мысли, духом новаторства. Русский авангард подпитывался архаическими пластами древних культур, дышал народным эпосом, «низовыми» формами искусства, наивными и простыми. Писатели, художники и композиторы Серебряного века «шестым чувством» ощущали грозные изменения, проступавшие на горизонте эпохи.

Четыре года петербургского учения знакомят Сергея Калмыкова с прославленными ныне мастерами — Малевичем, Шагалом, Эль Лисицким, Татлиным. На выставке «Мира искусства» в начале 1912 года он видит работы Рериха, Чюрлениса, Серова, Судейкина. Французская выставка «За сто лет», поиски фовистов и кубистов — все обогащало талантливого юношу, давало пищу воображению.

В 1913 году опера «Победа над Солнцем» ознаменовала революционный перелом в мире искусства, а двумя годами позже Малевич показал городу и миру свой «Черный квадрат» — эту фан-

тастическую, мистическую точку отсчета на пути нового искусства. Назвать «Черный квадрат» точкой — пусть даже в переносном смысле слова — рискованное дело; впрочем, это не более чем фигура речи. Адепт теории квадрата Казимир Малевич, косвенно уподоблявший свой квадрат иконе, не допускал шуток на эту тему. Свою художественную позицию основоположнику супрематизма противопоставил Сергей Калмыков: не квадрат, а точка, только она, и более ничто, составляет доминанту изобразительного искусства. Точка — праэлемент, суть

всего сущего. «Точка — это нулевое состояние бесконечно количества кругов. Линия — это точка в движении. Трудно быть точкой, легко быть линией», — писал Калмыков. Этой легкой, как бы пунктирной линией (художник называл ее «дрожащей»), отмеренно перемежаемой точками, он щедро пользовался, создавая свои карандашные рисунки, офорты, серию автопортретов в «стиле монстр». Линии сплетаются в кружочки, завитки и черточки:

точка, небольшое движение вперед, остановка и снова движение. Линии он учился у Бакста и Добужинского, у Дега и у японских мастеров, которых боготворил. Чтобы заставить линию «говорить», он придавал ей характер нервных сдвигов, зубрин. «Линия без зубрин, — объяснял он, — это все равно, что мозг без извилин». О своих рисунках Калмыков говорил: «это проекция моего метода думать». А преднамеренную искусственность, театральность своих работ определял как «синтез эклектики и эстетизма».

Не ограничиваясь поисками чисто живописных решений, еще будучи учеником, он рвался в мир проблем духовных, поэтических, трансцендентальных. Судьбу Земли и ее жителей хотел понять в органической связи с мирозданием. Хотел красками, линиями, словом выразить то, что другим было недоступно. Он видел фантастические пейзажи, ощущал взаимопроникновение множества миров. «Если попытаться определить фарватер творческих исканий и находок С. Калмыкова, — пишет доктор искусствоведения Г. Островский, — то это будет мистика и фантастика первопроходца иных миров... Об этих астральных видениях он рассказал “детским” языком, в

▲ С. Калмыков. Автопортрет в красном берете. 1963

⁴ Будущие контуры ее угадываются в небольшом, но очень емком сборнике «Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба», (совместный проект Центрального государственного архива республики Казахстан и антикварного салона «Лавка древностей»), на который мы ссылаемся в этом очерке. По этой же книге цитируются все дневниковые записи Сергея Ивановича Калмыкова.

25 НОЯБРЯ

1942

котором наивная непосредственность образного высказывания неотделима от изощренного кода новой лексики»⁵. «Я сам хочу учиться и изобретать. Я сам хочу научиться видеть, понимать, разобраться дотошно и досконально в том, что передо мною и что внутри меня», — писал Сергей Калмыков. Это была программа на всю жизнь, и он от нее не отступил.

Первая мировая война не оставила значительного следа в творчестве молодого художника. Он был мобилизован, затем освобожден от воинской службы по болезни. Узаконенное кровопролитие вызывало в нем недоуменное отвращение. Вместо того, чтобы заниматься созидательным делом, люди — носители искры Божьей, дети бескрайней Вселенной — оголтело стреляют друг в друга, рубят, колют, травят. Презируя политику как профессию, Калмыков держится в стороне от общественной жизни. Его удел — искусство, его задача — сберечь свой дар и свою индивидуальность. Жизнь в Северной столице, «колыбели революции», где Солнце побеждено большевиками и заперто на замок, не привлекает художника. В страшном 1918 году он уезжает в провинциальный Оренбург. Все свое он несет с собой: дар, звезды, ощущение избранничества. На его холстах появляется то, что человек не в силах залить кровью, опоганить и растоптать: разумное Небо.

Оренбург недолго остается для Калмыкова тихой гаванью. Художник самим своим существованием нарушал основное правило большевистской игры: он выделялся из стриженной массы, настораживал и раздражал новых хозяев жизни в кожаных куртках с револьверами на боку. ...Участвовал в выставках, вел художественные кружки, работал в студии Главполитпросвета, оформлял съезд, агитсамолет, Дом Культуры шлакопропиточного завода, резал клише для типографии, работал в Доме Красной Армии и на швейной фабрике (оформлял все цеха и три этажа лестницы — панно) — перечисляет он в «Автобиографии». Подобно Шагалу в Витебске, Калмыков вознамерился к очередному празднику раскрасить Оренбург — дома, улицы, трамваи. Из глубин неба город выглядел бы как абстрактная красочная композиция. Новые хозяева жизни не пришли в восторг от этой идеи.

Спас театр. В прямом и переносном смысле. С театром жизнь свела его прочно и надолго — до 70 лет. Здесь он имел возможность отчасти реализовать «миriskунческие» идеи — в эскизах костюмов, афишах, декорациях, задниках для Средне-Волжской передвижной оперы, а позднее в Алма-Ате — для Музыкального театра оперы и балета имени Абая. О гастролях передвижного оперного театра вспоминает композитор Е. Брусиловский: «Как всякий бродячий коллектив, в поисках хлеба

насущенного театр обладал большой маневренностью и храбростью, переходящей в легкомыслие... Холсты, изображавшие табачную фабрику, таверну и нечто похожее на церковь, от первого же прикосновения начинали качаться, что делало сцену эпицентром сильнейшего землетрясения... В целях экономии средств и времени художник, очень своеобразный человек, делал из одной заготовки для декорации две разных... с одной стороны была «Кармен», но если холст повернуть, то получалась декорация «Щелкунчика»»⁶. Сам Калмыков был доволен: «...Люблю широкий размах в своей работе, который можно найти только в оперном театре, где есть возможность исписать многие сотни и тысячи метров холста».

С позиций жизни Вселенной мишуру советской действительности он воспринимал как что-то временное, шутовское, театральное. «Для меня весь мир — театр», — говорил он. Он и сам примерял маску, играя роль чудака, юродивого —

⁵ Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба. С. 64, 65.

⁶ Там же. С. 67.

это был не только инстинкт самосохранения (какой спрос с безвредного безумца?), это был протест, вызов социальной усредненности и духовной летаргии. В причинах «эпатажности» Калмыкова со своих позиций пытается разобраться французский историк искусств Серж Фушеро: «...это одно из проявлений избыточности, с помощью которых застенчивые пытаются скрыть свои недостатки, равно как и его фанфаронство в личных записях...»⁷

Самосознание художника было по определению несовместимо с реалиями быта и бытия. Он никогда не имел семьи, полагая, что главная и единственная привязанность художника — Искусство. Почти нищий, он постоянно испытывал нужду в материалах для своей работы — в холстах, красках, бумаге, картоне. Десятки его картин написаны на оборотной стороне праздничных плакатов (на лицевой стороне — Ленин, Сталин, Киров или схемы и графики сельскохозяйственных показателей). Мастер гравюры на картоне, он разработал технологию, удешевляющую изготовление краски и процесс печати. Из Союза художников вышел, по одним свидетельствам, демонстративно, по другим, был исключен автоматически за неуплату взносов. Свои работы он не продавал.

С. Калмыков. 1960-е гг.

Денег всегда не хватало. Питался хлебом и молоком, пределом его гастрономических мечтаний была горячая пища: каша, оладьи. «Мебель» в его конуре состояла из перевязанных бечевкой старых газетных пачек. Он не знал, что такое отдых, перерыв в работе — ведь связь человека с Космосом непрерывна, как же можно останавливаться в пути? Он оставил после себя около двух тысяч картин, рисунков и гравюр, тысячи страниц рукописного наследия. Самиздат Сергея Калмыкова — вручную сшитые и переплетенные книжки, щедро иллюстрированные. Все написано от руки, каждая буква — рисунок, каждая страница — законченная композиция. «Голубиная книга», «Зеленый альбом», «Фабрика бумов», «Лунный джаз» — и так далее. «День и ночь писал, — свидетельствует Юрий Домбровский, — и все не для современников, а для будущих поколений, двадцать первый век ему был уже не к чему, он работал для двадцать второго. Для этих отдаленнейших потомков и были написаны его грандиозные циклы, сотни листов и холстов каждый... Он никому ничего не показывал, может, просто не успел»⁸.

Знал себе цену: «Не мною начато все великое в искусстве и не мною оно кончится. Но сделанное мной весомо, хотя всегда кругом меня будут ходить сонно-равнодушные люди, вовсе не интересующиеся тем, что все это сделал я, Калмыков». И еще: «Не надо пугаться гениев. Это милые люди. Я это знаю по себе. ...Гений — это изорванные брюки. Это худые носки. Это изношенное пальто». Не склонный к пустому восхвалению коллег, он ставил чрезвычайно высоко двух художников: Врубеля и Рериха. Рерих, несомненно, был созвучен ему не только как живописец, но прежде всего как философ. Восток манил Калмыкова. Фамилия и, возможно, семейные предания давали ему повод различать в себе калмыкские корни. Древняя Вавилония представлялась очагом мирового искусства. Переезд в Казахстан был символичен. В 1935 году, перед самым началом Большой чистки и великого кровопролития, он перебирается из Оренбурга в горную Алма-Ату. Там, спустя отпущенный ему срок, он доиграет свою роль.

Подводя итоги своей жизни, Калмыков написал «справку для небольшого энциклопедического словаря»: «Сергей Калмыков — художник-философ, художник-изобретатель, фантаст, автор многочисленных фолиантов, дневников, жизнеописаний, неотправленных писем, посвящений, афоризмов, сарказмов и лирики. Беспокойный, устремленный, злой, всегда один в своих исканиях».

Диапазон его исканий неприводим к общему знаменателю. Все, что он оставил, производит впечатление фрагментов какого-то эпического сочинения, грандиозного полотна, обрывков какой-то мелодии, начало и конец которой находятся за пределами нашего знания, нашего мира, нашего привычного восприятия. «Моя премудрость — явление стихийное», — говорил он. «Ни одна вещь,

⁷ Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба. С. 32.

⁸ Там же. С. 62.

ни один предмет не начинаются и не кончаются нами. Все они начинаются вдали от нас и кончаются далеко за нами. Все связано. Начало и концы. То, что я задумал, — очень протяженно в пространстве и времени».

Неумная сила духа и характера, первобытное чувство свободы — вот почерк Сергея Калмыкова. Он всегда был бурлив, активен, продуктивен, стремился воплотить во всех жанрах «самооткровение целостного мира» (С. Франк). Калмыков создавал свою теорию искусства. В основе ее лежала «божественная геометрия». Свою живопись он называл «математико-физико-метафизической», а себя — Гроссмейстером линейных искусств и Магистром цветной геометрии.

«В картинах формы колеблются», — это замечание Кандинского было ему особенно созвучно, как и рассуждение о музыкальной паузе — аналоге точки у рисовальщика. Космические пульсации пронизывали художника насквозь: «Я срезаю земной коры. Я чувствую в себе века — в каждой секунде». «Колебания происходят не только во мне, — писал он в своих тетрадах. — И сейчас Россия — между Востоком и Западом — между Европой и Азией — между прошлым и будущим». Интерпретируя теорию Эйнштейна, он говорил, что пульсация кривизны приводит к созданию «складок» пространства-времени. Там-то и прячутся «вечные картины».

Человек предельно одинокий, Сергей Иванович Калмыков знал роскошь общения. Его собеседниками и спутниками были мыслители и художники разных эпох и разных стран, античные боги, вымышленные поэтические персонажи, — он переплывал с ними лунные озера в атомических лодках, путешествовал на «супрематических квадратах» в межзвездном пространстве. Интерьеры, натюрморты, портреты, пейзажи, гротески, анималистические фантазии, — все было поводом для вести об ином мире, который ему открыт.

Космос для него был одушевленным, живым организмом. «Сквозь кружево точек, линий, излучений, туманностей, чаш, капителей проникает натура: природа, город, человек, животные, цветы», — объяснял свои работы художник. Вихрь красок, форсирование цвета превращали его творчество в миф и магию. Его пейзажи и сказочные сюжеты залиты астральным светом. Калмыков мечтал увидеть, как небесные города спускаются на Землю, преобразив мир. Вот названия некоторых его фантастических проектов: «Летающая Центральная Выставка-Лаборатория — в виде Колоний Городов, облетающих Земной шар», «Лаборатория изучения четырехмерного мира»

С. Калмыков. Девы и кубки. Б/д

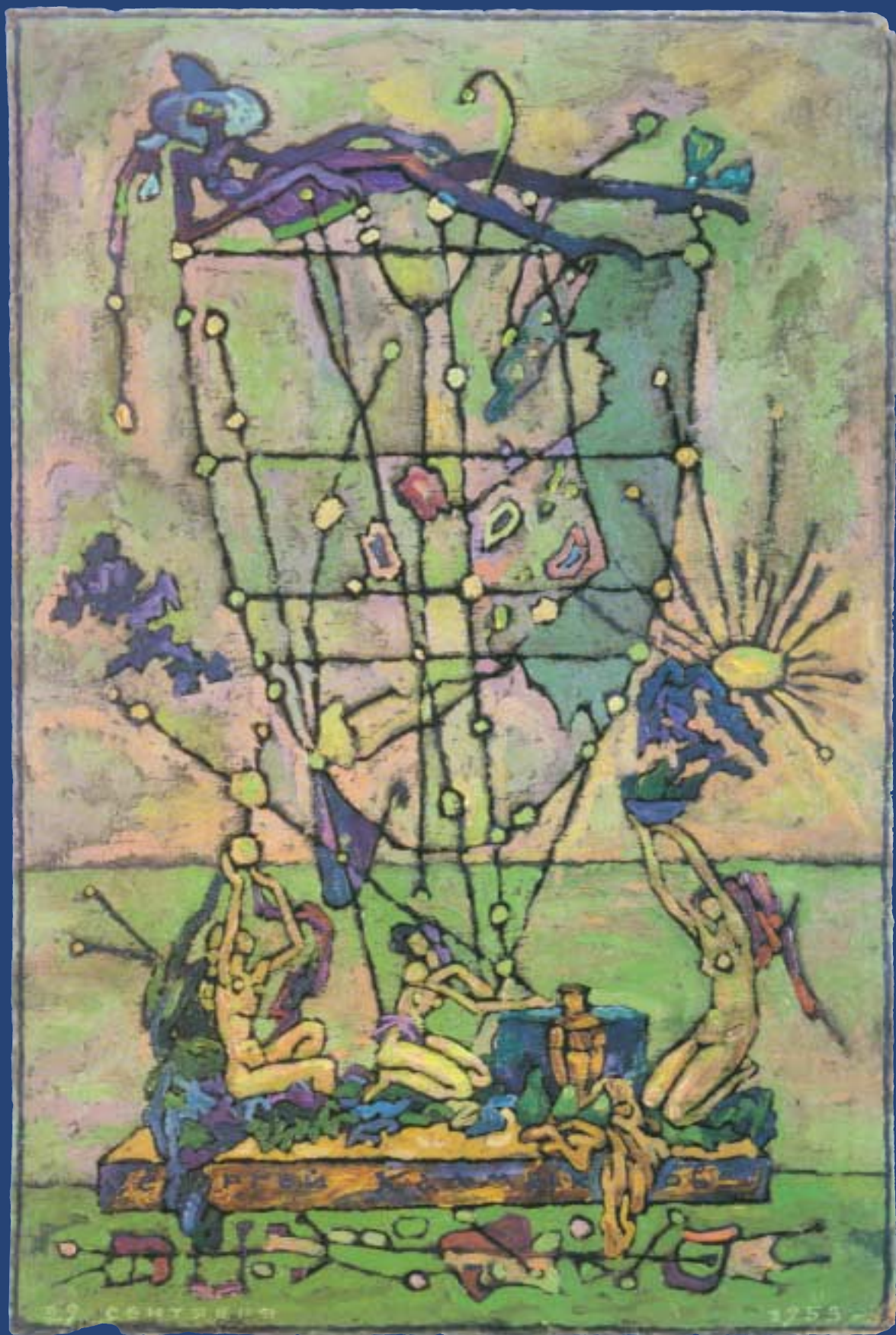
или «Облаком летящая на горизонте башня Эйнштейна раскручивается и летит в пространстве среди удивленных звезд мироздания!».

В его дневниках и записных книжках — трактаты о благоустройстве общества, «маленькие размышления о схемах сегодняшнего дня», приближающие создание «Невиданного государства и невиданно выгодных условий для процветания Науки и Искусства!» Калмыков любил заглавные буквы и восклицательные знаки. Он был неисправимый романтик и неисправимый оптимист. Художественный стиль Сергея Калмыкова доктор искусствоведения В.С. Турчин определяет как нечто среднее «между заветами символизма и предчувствием дадаизма». А его литературный стиль столь оригинален, замечает Турчин, как если бы новеллы Александра Грина сел писать Андрей Платонов⁹.

В 1949 году туберкулез и грыжа вынудили Сергея Ивановича уйти на пенсию. Пенсия была 52 рубля. «Не знаю, как дальше жить, — пишет он в дневнике. — Задолжал за квартиру, за свет. Грозят выселить... сильно утомляются глаза от копий, я боюсь от них ослепнуть». Но еще страшнее для него другое: «Появились в Химсбыте краски, не могу купить!» Краски были его страстью, его философией, проводником в счастливые ми-

⁹ Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба. С. 16, 19.

С. Калмыков. Звездный парусник. 1953

ры — в мир «самых тонких удовольствий», «самых острых переживаний», возникающих при рождении цветowych аккордов. Музыка цвета и света напрямую связывала его с иной реальностью, — даже если он рисовал «Натюрморт с вилкой и ложкой», базар или местную речку Алма-атинку. «Частицы красок — это осколки магических зеркал, которыми покрыты все предметы и которые отражают в себе далекие бесконечные коридоры и перспективы различных событий», — пишет Сергей Иванович. Он верил, что «души» прячутся в телах вещей. «Каждая краска — особый ритм; состоя из множества молниеносно движущихся частиц, она представляет собой сложный механизм... Мир цвета отражает мировое пространство».

В Алма-Ате художник Калмыков прожил три с лишним десятилетия. Пережил Великий террор и, к удивлению многих, избежал ареста, хотя «непохожесть» в ту пору автоматически означала «непокорность». Под маской «городского сумасшедшего» в азиатском городе, который благодаря Домбровскому стал «городом-мифом большой литературы»¹⁰, он продолжал писать свои трактаты о свободном творчестве художника, своих Лунных дев, звездные пейзажи, портреты дочерей Великого Костюмера, абстрактные композиции, — эти эксперименты могли оказаться весьма небезопасными в идеологически стерильных центрах страны победившего соцреализма.

Внутренняя свобода никогда его не покидала. И еще — неколебимая уверенность в своем предназначении. О своем понимании искусства, не связанном с бегом минутной стрелки, он рассказал в «Дневниках», ставших ныне достоянием гласности:

«...Жизнь протекает. Искусство кристаллизуется».

Жизнь мгновенна — вот она! И все, ее уже нет! Искусство вечно — столетия, тысячелетия — сверкает оно своими Созвездиями!»

«...Утопая умом в утопиях, человек прикидывает в своей фантазии те или иные варианты занимающих его вопросов! Это естественно! Ничего страшного в этом, конечно, нет! И все это можно с государственной точки зрения только приветствовать! Да!..»

«Надо уметь быть непонятым, но простым; понятным, но сложным».

Надо дробить простые поверхности. В этом существо живописи».

«Гений — это внимание. Гений — это рассеянность».

Я комментатор по своей природе».

Надо трактовать действительность как миф».

Последнее особенно важно. Сергей Калмыков стал человеком мифа еще при жизни и сам был автором этого мифа. Время, в которое он жил, представлялось ему театром абсурда, и в этом театре он «переиграл» советскую реальность с ее казарменно-агрессивным энтузиазмом. Калмыков собирался жить по меньшей мере сто

лет. Лишь Великий Костюмер был властен над ним. Его уход не мог состояться в домашней постели, на высоких подушках. Его погребенье не могло произойти под вздохи шопеновского марша.

В марте 1967 года Сергея Ивановича Калмыкова все же упрятали в психиатрическую больницу, где он вскоре и скончался от воспаления легких, отягченного устойчивой дистрофией.

Никто не знает сегодня, где погребено его тело.

И миф переступил вместе с ним черту смерти.

Публика любит определять миф, ее заинтересовавший. В Россию Калмыков только приходит. Кто он — уникальный самородок или высокий мастер-профессионал? Непризнанный гений или гениальный безумец? Что в его озарениях абсолютно ново и оригинально, а где он изобретал велосипед? Каково его место в истории русского авангарда, в истории культуры XX столетия? Об этом судить специалистам и зрителям.

«Картины художника Калмыкова, их много сотен, — находятся в галерее Казахстана. Если когда-нибудь их выставят, — писал в своем давнем очерке о мастере Юрий Домбровский, — советую: посмотрите, многое вам покажется чудным или непонятым, но не осуждайте, не осуждайте так сразу же, с ходу, художника. Зазря, не обдумав, Калмыков вообще ничего не творил. Во всех его набросках есть свой смысл, своя идея, только доискаться до них порой не так уж просто. Что поделать? Ведь существуют же такие странные, ничем не управляемые и не подвластные нам силы — как мечта, фантазия и даже попросту иное видение мира!»¹¹

▲ С. Калмыков. Фейя. 1943

¹⁰ Ермолин Е. Вкус свободы. Над страницами романа «Факультет ненужных вещей» // Континент, 2003. № 116. С. 414.

¹¹ Сергей Калмыков: жизнь, творчество, судьба. С. 99.